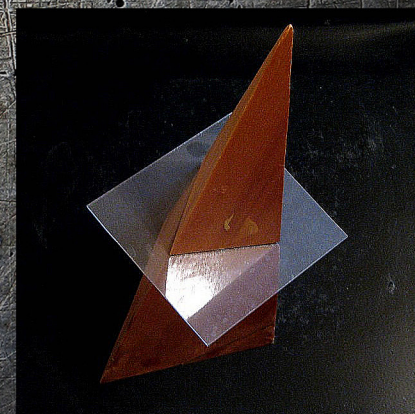
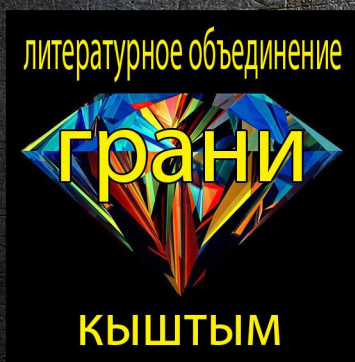

ГРАНИ
литературный альманах

2017 год
Грань 1

ГРАНИ

литературный альманах

2017 год
Грань 1

Литературное объединение «Грани»
Евразийский журнальный портал «Мегалит»
Кыштым

ОГЛАВЛЕНИЕ

PROSE LOQUI

- Юрий Невзоров. С ангелом. Рассказ /5/
Рудольф Сырейщиков. Антошкино счастье. Рассказ /53/
Людмила Щелконогова. Иван-чай. Сказка для детей /57/
Марина Шалыгина. Клуб. Рассказ /59/

CONATUR CARMEN

- Ольга Большакова. Прищепки. Стихотворения /14/
Александр Петрушкин. Гостеприимство Авраама. Стихотворения /15/
Дмитрий Одиноких. Всё живое. Стихотворения /21/
Инна Климентьева. Колоски. Стихотворения /25/
Наталья Косолапова. Две точки. Стихотворения /29/
Владимир Яковлев. Прилива нет. Стихотворения /31/
Марина Шалыгина. Русская ночь. Стихотворения /35/
Сергей Дмитриев. Влажные стебли. Стихотворения /41/
Владимир Бендлин. Закат. Стихотворение /42/
Лариса Ерошкина. Округа. Стихотворение /43/
Юрий Халдин. Парад. Стихотворение /44/
Татьяна Руденко. На небесных пьльцах. Стихотворения /45/
Анна Клепалова. Ямальский сталактит. Стихотворения /48/
Лидия Бессонова. Палеолит. Стихотворения /50/

AD TEMPUS ADERO

- Александр Петрушкин. Тыдымский дневник. 2016 год /62/

LOCIS

- Надежда Лысанова /97/ Янис Грантс /100/ Андрей Торопов /101/
Сергей Ивкин /104/ Маргарита Ерёменко /106/
Дмитрий Машарыгин /109/

ТИХОЕ ЗИМОВЬЕ

Александр Клепалов. Гармонь и судьба /110/

Слово о товарище /136/

VIEW FORAS

Сергей Ивкин. Манифестация вкуса. Серия «Только для своих» /112/

ДЕТСКАЯ

Ольга Большакова /141/ Вера Белова /142/ Татьяна Бутакова /143/

Людмила Щелконогова /144/

Юрий Невзоров

С Ангелом. Рассказ

Климу было семь, когда он впервые увидел Ангела.

В тот день они с отцом с утра пошли в лес за грибами. Ближе к одиннадцати мальчик отстал и заблудился. Не плакал, а упрямо шёл. Но в какую сторону света? Север, юг, запад, восток перемешались. Всё, что он мог осознать, так это то, что справа деревья гуще, чем слева, а откуда-то сбоку слышатся звуки автостреды. Повернул на гудки, ускорил шаг, но и через десять минут дорога не проявилась. Теперь звуки слышались сзади. Клим развернулся и зашагал назад. Когда через пятнадцать минут он не нашёл ни дороги, ни автомобилей, а звуки переместились правее, Клим испугался по-настоящему. Ему вдруг припомнились рассказы отца о лесовиках, способных завести путников в болото. Приложив руки к губам, Клим отчаянно, изо всех сил закричал: «Па-а- па-а!» И услышал едва слышимое: «Ау-у!» Подхватив лукошко, мальчик побежал, окликая: «Папа! Па-ап!», и далёкий голос, вроде бы, отзывался. Но, когда Клим в очередной раз услышал ответ, он вдруг понял, что голос чужой! Незнакомый, похожий на скрип дерева или дверных петель. Прислонившись к шершавому стволу, Клим дал волю слезам. Сейчас выйдет из бурелома страшный лесовик и потащит в глушь!

Однако, перед ним возникла обыкновенная женщина, ни худая, ни толстая, ни молодая, ни старая, только в глазах её Клим сразу увидел что-то... Что-то такое... Такое, как утренний свет. Клим утёрся рукавом. А женщина протянула руку погладить мальчика. Клим ловко увернулся от протянутой руки и снова вжался в ствол сосны, он ещё

боялся. Женщина улыбнулась нежной, бесконечно доброй улыбкой, так улыбалась Климу мама, рассказывая о том, что сегодня было на работе и глядя сына по волосам. Подавшись вперёд, Клим произнёс: «Хочу домой.» Женщина молча смотрела на него светлыми, глубокими глазами, и внезапно он понял, в какую сторону идти...

Отец, занятый грибами, ещё даже и не заметил, что Клим потерялся. Ему казалось, что сын неподалёку, за малинником. И когда из леса выскочил зарёванный мальчик, мужик присвистнул от удивления. Клим кинулся в объятия отца, сотрясаясь всем телом, взахлёб рассказывал, как заблудился и как было страшно. О женщине умолчал, сам не понимая почему.

Прошло полтора года. Однажды после работы отец Клима пошёл с друзьями в какую-то забегаловку и не вернулся. Нет, не погиб в пьяной драке, не попался под горячую руку хулиганам. Просто, сильно подвыпивший, по дороге домой упал в сугроб и замёрз. На улице было минус тридцать с гаком. Так Клим первый раз столкнулся со смертью. Стоял рядом с гробом отца, словно окаменев. Вся родня выла, мать причитала, а у Клима не было и слезинки. Женщина, спасшая его в лесу, тоже пришла на похороны, стояла в толпе и смотрела на Клима, так смотрела, что, наконец, окаменелость оставила Клима и он заплакал, облегчая горе.

С тех пор женщина сопровождала мальчика повсюду. Была невидима другим людям, но ощущалась самим Климом, как реальность. Глядя на неё, можно было видеть свет, не тот, каким по вечерам делится лампа, другой, в нём было много чего, про что Клим только догадывался.

Она стояла у него за спиной, когда он, двенадцатилетний, вместе с друзьями бил стёкла в старом заброшенном доме. Маячила где-то поблизости, когда он в четырнадцать пытался вскрыть соседский «Москвичонок». Скорбно, неотрывно глядела, когда в пятнадцать он орал на родную мать, что та, де, его никогда не любила. Клим привык к постоянному присутствию тонкой светящейся фигуры. Когда она надолго пропадала, заметно нервничал: куда это подевалась? Рассказывал о странном призраке друзьям. Они не верили, под-

нимали на смех. И Клим лез в драку. И даже зачастую выходил победителем, хотя не был самым сильным парнем двора. В соседних домах жили бойцы, которые лучше владели кулаками, а то и ножами. С ними было трудно тягаться. Однажды, в уличной потасовке Климу сломали руку. Три недели он носил гипс и ждал, когда снимут лубок, чтобы снова схватиться с противником, копил злобу. Женщина-призрак была рядом, качала головой. Казалось, хотела ему что-то сказать, открывала рот, и тем походила на рыбу, выброшенную на берег. Шевелила губами, но, видимо понимая, что останется не услышанной, вновь превращалась в безмолвное свечение. Когда гипс сняли, Клим стал готовиться. Запоминал, куда обидчик ходит после уроков, где проводит свободное время... Спустя месяц враг лежал, связанный, на бетонном полу подвала недостроенного дома у ног Клима. Всё прошло без сучка и задоринки, однако, вопреки ожиданию, не принесло никакого удовлетворения. Постояв минут семь, Клим развязал парня, даже не пнув для острастки. Ему казалось, парень всё понял и уберётся добру-поздорову. Но Клим ошибся. Освобождённый неожиданно напал, повалил Клима в штукатурку и пыль, брызгая слезами, колотил, куда придётся. Выкрикивал яростные ругательства и угрозы. Женщина-призрак стояла в шаге от них, плачущих от страха перед тем, что творят, и Клим хотел просить у неё помощи. Голова от недостатка кислорода закружилась, дышать было невозможно...

Уже в больнице Клим вспомнил, что же именно заставило его отпустить противника: в глазах женщины он увидел нечто, связанное с запахом розы, подаренной матери на день рождения, нечто, связанное с полученной вместо тройки четвёркой по русскому, со смертью отца, с полётом незнакомой птицы в осеннем лесу. Увиденное лишило его силы мщения. Клим смотрел в угол палаты, где ютилась призрачная фигура и шептал: «Всё из-за тебя!» Соседи по палате видели – с парнем творится что-то неладное - бледен и разговаривал с невидимкой. Но молчали, думали, что врачи знают, как обходиться с такими пациентами.

Не сразу, но к повзрослевшему Климу, пришла мысль, что призрачная женщина – Ангел, приставленный к нему, своенравному по-

лубеспризорнику, безотцовщине. Присутствие в его жизни Ангела не всегда устраивало парня. Ему не нравилось, что она сопровождала его в ночных вылазках с пацанами, что она неотступно следовала за ним. Однажды он привёл в сад, на дачу, девочку. Открыл дверь, пропустил вперёд юную гостью и встал на пути призрачной фигуры: ««Ты мне не мать, ты мне никто! И нечего вынюхивать.» После чего резко захлопнул дверь перед самым носом Ангела.

- С кем разговариваешь? - поинтересовалась гостья.

- Комары замучили! – соврал Клим.

Когда он задёргивал последнюю штору, то увидел в окне призрачную фигуру посреди дорожки, в глазах её можно было различить... Что же там было? Что-то, от чего щемило сердце. Клим постарался вычеркнуть видение из сегодняшнего вечера.

Он не знал, как называть Ангела. Сама женщина-призрак не отвечала на вопросы. Иногда Клим пытался придумать ей какое-нибудь имя. То обращался к ней, как к Елене Васильевне, то как к тёте Кате, но и сам же морщился: ни одно из имён не подходило ни для её доброй материнской улыбки, ни для худых запястий в рукавах старомодной кофты. Хотелось называть её мамой, но Клим и родную-то мать давно называл просто «Эй!» или «Послушай!» или «Ответь!» Можно было не заморачиваться. И он так же обращался и к Ангелу, и только тогда, когда Ангел глядела ему в глаза.

Кое-как закончив школу, Клим три года учился в Колледже при заводе абразивных материалов на сварщика. Сварщик из него получился никакой, он и угол между электродом и присадочным материалом никогда не выдерживал, и оксидную плёнку после работы с деталей не удалял. Зато в драках он был хорош. Небольшого роста, он брал скоростью, к тому же поднять ногу до уровня головы ему ничего не стоило. Во время одной потасовки, он оббитой бутылкой полоснул по голове незнакомого парнишки, тот застонал и стал валиться на асфальт. Драка остановилась, примчались скорая, полицейская машина, участники разбежались. Климу не стоило труда запугать свидетелей. Подавляя страх, Клим пожимал плечами: де, что случилось, то и случилось, на месте раненого мог оказаться любой из парней.

Клим не пошёл домой, всю ночь провёл в парке. Голова была пустой. Он не думал о раненом, не пытался оправдаться перед совестью, не думал и о свидетелях, что они будут говорить, если в полиции на них надавят, просто тупо разглядывал носки кроссовок. Неслышно явилась призрачная фигура, села на другой конец скамьи, протянула руку и погладила Клима по бритой голове.

- Я думал, Ангелы вечные, а ты – седеешь, как мать, тебе краситься нужно, - произнёс Клим устало. Анна (так он последнее время называл её) ничего не ответила, пересела поближе, обняла за плечи, но он вырвался, вскочил, закричал: « Что ты за мной ходишь?! Чего надо-то?»

Клим сходил в армию, его били, и он бил. Похоронил мать, двоюродного брата, мать двоюродного брата, устраивался и увольнялся. Собрал вокруг себя верных ребят, готовых на всё. Обложил данью местных мелких предпринимателей и торговцев рынка, купил двушку на проспекте, напротив кинотеатра - сейчас это был развлекательный центр, и Клим часто сюда заходил (благо владельцем был Климов корешок). Менял машины, менял женщин. Анна всё время маячила около, только никогда не входила в спальню.

Как-то Клим проснулся среди ночи. Отодвинул в сторону женское тело, протопал в туалет и обратно. Проходя через гостиную, где спала Анна, прислушался. Наверное, Ангелам сон неведом. Раньше Клим не задавался подобными вопросами, ему было плевать на Ангела, временами он вообще забывал о соглядатае. Анна сидела на полу, подогнув ноги, неподвижная, глядела перед собой.

- О чём думают Ангелы? – спросил Клим, подходя и опустился на колени рядом.

- Почему ты не в раю? Вы же должны жить в этих..., как их там? – эмпириях?

- Или ты чёртова грешница?

Клим попытался заглянуть в глаза Ангела, но глаза эти казались бездонными, пустынными, свет их был далёким и холодным. Клим пригрозил: «Ну и сиди здесь, и нос никуда не показывай!»

Но он по-прежнему слышал шелест за левым плечом, когда выбивал из кого-то долги, когда проворачивал миллионные сделки. Он

знал, что Анна рядом – на заднем сидении машины, в углу ресторанной залы, за дверью дачного дома. После особо жестоких его деяний Анна часто казалась мёртвой – сидела на полу, уронив седую голову на грудь, или лежала, устремив неподвижные глаза в потолок. Клим боялся её взгляда, а когда настроение было слишком паршивым, он бил Анну. Оказалось, что бить Ангела ничуть не сложнее, чем обыкновенную шалаву. Анна точно так же прикрывалась руками, так же подвывала, только беззвучно. И у неё текла кровь, ничем не отличимая от крови самого Клим. Много раз он выволакивал её на улицу, выталкивал из квартиры. Переводил дух: всё! Теперь жизнь пойдёт в нужном направлении! Через час или два шёл искать её. Обычно она сидела на ступеньках лестницы на первом этаже. Люди шагали сквозь её тело и шарахались от криков Клим. Однажды её не было два дня, он с трудом нашёл Анну в соседней подворотне. Клим трепал её волосы, дёргал за руку:

- Пошли домой! Отчего ты такая? Возьми себя в руки!

Она стояла, прислоненная к стене и могла в любой момент свалиться со ступеней.

Когда Клим почувствовал себя хозяином окраины и уже ничем не стеснялся, «малина» неожиданно закончилась. Он попал под пресс правоохранителей. Несколько месяцев за ним следили. Анна не предупредила, не дала никакого знака, хотя - по его убеждению - должна была – столько лет вместе!

Она глупо захихикала, когда он вбежал в комнату, затравлено обернулся на дверь и стал лихорадочно бросать в сумку вещи.

- Нужно идти!

Он не ожидал, что она начнёт сопротивляться, за ней такое не наблюдалось. Но на этот раз Анна вырвала руку и беззвучно закричала.

- Ну, что!? Сейчас сюда менты приедут, я взял билеты, ты - со мной! Я тебя ненавижу, на кой чёрт ты мне! Но ведь пропадёшь без меня, дура!

Женщина отпрянула. Из глаз её хлынуло невообразимое. Клим зашатался. Труп собаки, забитой камнями, сгоревшие голуби, парень с разбитой головой, розы - подаренные некогда матери, смерть отца,

крылья неведомой птицы – всё кружилось и наплывало. Клим саданул Анну по голове, перекинул через плечо.

Соседи, поднимающиеся по лестнице, видели, что Клим несёт какую-то тяжёлую вещь, но – что самое интересное – никакой вещи у него на плече не было.

Очнувшись в автобусе, Анна рвалась из рук к выходу. Клим рывкнул:

- Я тебя сейчас ударю!

Каждый пассажир принял слова странноватого гражданина на свой счёт. Оглядываясь, они перешёптывались. Нарядно одетая дама подумала о том, что из сумасшедшего дома сбежал пациент, и теребила солидного мужа:

- Ты будешь ждать, когда он нападёт?

Какое – то время автобус мирно катил по маршруту. Но странный гражданин махал руками, разговаривал сам с собой, вскрикивал. Наконец, мужики не выдержали, на окраине какой-то деревни попросили водителя остановить автобус и дружными усилиями выгрузили «наркомана».

Он сидел внутри грязного павильона остановки и орал на женщину, видимую только ему:

- Это из-за тебя! Всё из-за тебя!

Бросал камни, один попал Анне в лоб.

- Ты сказала мне отпустить эту сволочь! Стояла, смотрела, как он бьёт меня! И потом! Там, во дворах! И потом!...

...Клим прижился в деревне. Участковый навещался сюда раз в полгода, и то за выпивкой. Полиция и старые дружки вряд ли могли выйти на след бывшего авторитета. Жизнь в городе казалась нереальной, он и не вспоминал о бывших подвигах. Продавал мужикам пойло, поколачивал должников, обустроил брошенный дом, где поселился с Анной. Анна следила за огородом, готовила еду и занималась прочими неангельскими делами. Когда Клим приводил на ночь бабу, Анна ночевала в сарае. Выглядела она гораздо лучше, чем в городе. Ей с Климом можно было дать лет пятьдесят пять, они выглядели деревенской четой, прожившей большую часть жизни под одной кры-

шей. Однажды он подошёл к ней, сидящей с шитьём у окна, и долго разглядывал морщины и желтоватую седину. Прижал её голову к своему животу:

- Все твои изменения – от меня. Я сволочь. Столько всего на мне... Ты болела. Ангелы бессмертны, но мы, люди, заставляем вас стареть...

Клим, его деревенские звали Петровичем, начал зазывать к себе алкашей, выставлял закуску, заводил странные речи. Принимался рассуждать, что, де, всякий человек живёт под надзором Ангелов. Хранители – разве не слышали? Мужики смеялись. В пьяном угаре Петрович требовал Анну показаться перед гостями. Её молчание и невидимость бесили его:

- Да скажи хоть слово! Всю жизнь молчком!

Мужики хохотали во весь голос. Он поворачивался к мужикам, говорил, что они козлы недоделанные, пусть катятся. Его били. Он был не так быстр, как в молодости. Пьянка продолжалась и после драки.

Приехал участковый, посмотреть, кто кого бьёт, походил по домам, зашёл и к Климу, раздавил с ним пузырь, Уехал, считая Петровича «правильным» мужиком.

Следующей ночью в дом Клима вломились два обиженных должника. Пришлось бить по-чёрному. После он и Анна сидели друг против друга и не спали. Клим впервые почувствовал одиночество.

Под утро злые сельчане окружили дом, подлили бензина под стены.

Петрович подумал: «Хочу, чтобы всё закончилось».

«Я тоже хочу», - донёсся до него женский голос.

- Я раньше с тобой разговаривал, почему же не отвечала? Ты Ангел, небесное создание, ты не можешь умереть!

В ответ он получил молчание.

Старушка сидела на полу, она была некрасивой, тонкие губы, морщины в разные стороны. Глаза совсем запали. Климу захотелось увидеть в них утренний свет, сияние, виденные крыло птицы, розы, смерть отца, любимую детскую книжку про репку, часы с гирькой из родительского дома.

- Ну же! Мне необходимо это увидеть! Не зря же!

Он молил, но видел в глазах Ангела лишь отблески пламени.

Это был не ад, хотя Клим надеялся увидеть именно сковороды с грешниками. Это был не рай. Клим увидел пепелище. Никто не плакал, никому не было дела до Клима. Умер и умер. Ангела нигде не было видно, как будто никогда и не существовало.

- Зачем, Господи? Зачем я здесь?

Он поднял лицо вверх. Распахнул руки, почувствовал порывы ветра, ветер пах пожаром и пылью. Он умер. Но это не конец, не конец. Клим поднялся в воздух, сделал круг над деревней, в нём созрела потребность – избавиться от неё было невозможно! - он искал несчастных, заблудших, тех, кому был нужен. Долги надо отдавать.

Это вы плачете? Вы?

Он уже летит.

Ольга Большакова

Прищепки. Стихотворения

Открыла тебе своё бедное сердце
как крышку старого пианино,
над которым висит картина
с деревьями цвета красного перца.

Прислушайся – клавиши зазвучали,
не так, как чёрно-белые гаммы –
громким выстрелом из нагана –
мелодией радости и печали.

Возьмёшь в собеседницы вечеров,
серых, как брюхо постаревшей волчицы?
времени нить будет сквозь пальцы сочиться,
с веретена придуманных нами миров.

Утонули ноги клёна
в ярко-жёлтой пене листьев.
лишь вчера стоял зелёный,
а сегодня золотистый.
и скупым теплом обласканный,
призадумался он крепко –

сиротливой чёрной ласточки
позабятая прищепка.

Александр Петрушкин

Гостеприимство Авраама. Стихотворения

* * *

У нимба каждого есть дерево –
оно невидимо здесь, даже,
когда и ты в него поверила,
взмахнув прозрачную поклажей.

Под деревом кругами рыбными,
и совершив, как выдох, кражу –
мы вдруг поймём, что здесь горит оно,
чтоб не было зачем-то страшно.

Откроется калиткой дерево
и вырвет зрение, как жабры,
что виснут вятелем над тела
холодным синим дирижаблем.

* * *

Вдоль снега человек идёт,
где свет невероятный ход:
безвариантный, поперечный
исчезновению его,
где время кратче снегопада
и пересказа своего –

там, в чьей дуге, как бормотанье,
лежат и жажда, и вода,
и человек – почти мерцанье,
когда сгущается в стыда
труды и радость, и молчанье,
которые он ввёл сюда

вдоль снега, что в его отверстиях
лежат, как рана или дом,
и больно – от любого места –
тебя читают босиком.

ГОСТЕПРИИМСТВО АВРААМА

И воспалённая бумага Рождества из перспективы смотрит – и чуть дальше
предмета, его тени, тождества и торжества, и времени тьмы раньше –
поскольку никогда не настанет вчера, сегодня, завтра там, где лица
глядят сквозь человеческий проём, который словно зёрнышки клюёт
в ладони их сокрытая синица.

И звук подвешен в дереве, чья нить – не то чтоб свет,
но вскоре будет светом,
что камня свиток в небо разогнёт, и отряхнёт от смерти, но не это
успеем мы услышать – птичий гул, зрачка воронку, эхо называнья
нас мотыльками, что летят вокруг сквозь карантин, покинутый досрочно,
и снегопада длинное мерцанье.

* * *

Алексею Александрову

Пересечённый свет становится тобой
[твои углы и звон присваивая слепо] –
так, совершив цветы, просыпан чёрный рой
шмелей вокруг теней – просторно и нелепо

прозрачные они из темноты растут,
перебирают выдох железными устами
и свет, что не уловлен, как линию ведут –
и он сквозь них звенит оленьими рогами.

тыходишь в лабиринт, все нити развязав,
точней оставив [с этой] не гордиев, но узел,
и минотавр шумит, как тень, сквозь свет упав
который вероятно, как пересказ, был устным.

и в этой слепоте, в случайностей щепоти,
ты чувствуешь, как тьма горит в рояле спиртом
и никого уже в твоей, столь пошлой, плоти,
где минотавром став, ты будешь лабиринтом.

* * *

Ничей потомок, стой, как я стою –
на этом развернувшемся в дыру,
как оторопь короткая синицы,
голодном камне, то есть на миру.

Матросов этих мёртвых благодать
мы сможем угадать в костях у птиц,
как полынью, метель, возможность, тать,
что здесь излечены дистанцией от лиц –

Извлечены, как зренье языка,
прозрачный корень чёрного станка,
что зашивает наши в нём разрывы
и смысловые пропуски, дыша
в раздвоенные пальцы, где незрима,
и потому всё явственней, душа.

* * *

[цитата луга] бабочка летит,
петли воздушной роет лабиринт,
которым так природа хороша,
что дышит, как повозка, не спеша.
Мы возле этой бабочки стоим,
что в бронзе света чашею летит:
вот разобьётся в стебли или дождь –
и мокрый сад уже не соберёшь.

* * *

Скоро за ними пойдём там, где камешки катит
эта волна, что похожа на катет

света, который порежет её в апельсины и дольки
продолговатой воды – и из скольких

выбраны мы побережью? – но всё преломляющий отче
наш и собачий [за снегом изменчивый] почерк

в силе переписать с лево на правосторонний
там, где его пустая рука небо тронет,

то есть – покатится снег колесом через мрак, где, пролившись, чернила
гнутся как нитки дождя, из которого свила

рыба дыханием воду свою и камней треугольник,
где расширяется берег, как лёгкие, тонок

там, где мы – камни, которыми катятся камни
продолговатой воды, похожей на вечности ломтик.

* * *

Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт,
сметая свет шмелиных лиц в слепой полёт,

края свои или углы внутри неся,
в огнях тройных ломая то, чего нельзя

произнести и пронести, в скорлупке свой
звучит - как будто из полен сложен – прибор

и в окнах тех, где агнец помнит о тебе
среди колец от наших лиц, шмелям теплей,

когда летит вокруг церквами снегопад
и разоряет, как голубка, ничейный ад.

* * *

Бог прекрасный, словно грязь,
Бог бессмысленный, как радость,
посмотри: от нас осталась
речь, похожая на лаз

в дождь, что падает на наше
в нём отсутствие, как в пашню,
будто ласточка в себя,
отражение теребя,

как соломинку и глину,
красную свою гортань,
с этим телом невозможным,
совершающую брань,

где собака бежит пряжей
сквозь ужасный слова снег
и связует, как молчанье,
в мир собрание прорех.

Бог живой, как будто смертен,
говори через меня,
где лежу в твоих полозьях,
как сухая полынья,

где дышу, себя ворую
у последнего себя,
словно белая воронка
ласточки среди огня.

* * *

Блаженны тишина и слепота,
в которых свет скрипит, как темнота:
косноязычно, замкнуто, в кукушке,
как будто достаёт из бега сушки
его отсутствия, которым так тверда.

А всё – молчание и даже наши песни,
в которые обёрнуто оно,
когда хоть растворись, а хоть исчезни,
как зимнее и мокрое окно
посередине языковой бездны,
в которой так светло, что мне темно.

Блажены онемевшие сейчас –
как стрелки у часов незаведённых,
они взрываются, как слово в снегирах,
и падают на свет несотворённый.

Дмитрий Одиноких Всё живое. Стихотворения

* * *

В белом облаке шелковых яблонь
Проплываю свои берега.
На приталенной пристани - мама,
Как рождественская звезда.

С колоколенкой за плечами,
С полуношником в рукавах -
Берегами плыву, берегами,
Очарованный, как река,-

Ни на шаг от доверчивых яблонь,
Никуда от заветной звезды,
Что тихонько горит на окраине
Затекающей в небо воды.

* * *

Все живое от малой земли:
И река, и пуховое облако.
Не твоя ли озимая жизнь
В чистом поле хоронится зернышком?

Не на твой ли взывающий крест,
Меж холмов улетающий полем,
Сквозь скупое молчанье небес
Отзывается медь колоколен?

Не на твой ли соломенный зов,
Неприкаянный и безнадежный,
Сквозь осенние свечи берез
Белый снег прилетает на гнезда?

* * *

На худую звезду цвета глины
Все земные надежды мои.
Ветер памяти, ветер полыни
Настороженно в сердце шумит...

Удержать бы в кленовых ладонях
Золотые ладони его,
Что в крещенских морозах промерзли,
Что иссохли в дорожных песках:

Дай прочту эти впалые линии
В костяных именах, как в узлах,
Как дороги свои - по звездам,
По комочкам мерцающий глины.

* * *

Я все возьму - я все тебе оставлю:
И черный хлеб, и ситцевую нить...
Следы мои со рваными краями
Носить тебе, доколе не сносить:
По улицам - метельными снегами,
Дождями по окольным пустырям...
Но корешок соломенного слова,
Что заронил у хлебного листа,
Когда-нибудь раскроется над полем
И зазвенит под крыльями креста.

* * *

Тяжел кафтан с отцовского плеча,
Тяжел сапог с налипшею землею.
Не от того ли тянется душа,
С отрочества привитая, к земному?!

В ядреный сук и гвозди не идут,
И зуб горит и плавится на пилах -
Не потому, что высох на ветру,
А потому что спаян сердцевинной.

Не ясный блик колодезной воды,
Не белый цвет ухоженного сада -
Мне теснота отеческой избы
Напомнит материнские объятья.

* * *

Третий день беспокойному сердцу
Неуютно в погожей груди -
Третью ночь на безоблачном небе
Не хватает заветной звезды,

Что водила меня даль за далью
По лесам, по ковровым степям,
Бесталанного согревая
Золотыми руками отца.

Не томил огонек, не тревожил,
Нудным светом не застил мой взор!
Оттого и с угасшей звездой
Все веду и веду разговор...

* * *

Я крещенный в ольховой лохани,
Под иконами в красном углу.
Начертал мне отец угольками
Имя деда на матовом лбу,

Дабы чтить холеное чадо
Свой глубокий отеческий род
За свечами смоленное небо
Над тропой от ворот до ворот,

За худой лоскуток васильковый
У избушки на житном корню...
Вызнай, полюшко куликово,
В родову ли твой выдался внук.

Погляди своим оком орлиным,
Повиликовым сердцем услышь, -
Над развилкою лобной морщины
Так ли имя твоё шумит?

**Инна Климентьева
Колоски. Стихотворения**

* * *

Уральский мой Иерусалим,
а Сугомак, ну чем не Фавор?
Земля кружит воздушным шаром
и в синеве озер – Кыштым.

Приют вечерний заревой.
Я эту землю полюбила:
ты сердце песней напоила,
как родниковую водой.

Четыре храма на углах
звонят, чтоб мы не забывали,
а помнили о днях печали,
и Воскресенья светлых днях.

2007

ФРЕСКА

В пляске солнечных сплетений
над продрогшею Невой
дорогие сердцу тени
вновь беседуют со мной.

Рвет гранитные поводья
своенравная река,
и под рокот половодья
вьется гибкая строка.

В сновиденья уплывая,
вижу блики на снегу.
Где ты, ласточка слепая?
Я Петрополь стерегу.

* * *

Моя душа над Бабым яром
стенает, ливнями шуршит.
Или в печах, налитых смрадом,
воспоминанья ворошит.
Они идут, а с ними дети,
зажав в ладонях узелки.
Следы их сглаживает ветер
и развивает в поле пепел
сердец сгоревших угольки.

Затронь зеленый колосок -
услышишь детский голосок

* * *

Воркуют о чем-то деревья
в глубокой ночной тишине.
На тоненькой нити доверья
звезда опустилась ко мне.

Недолго она погостила:
до первых проталин зари.
Но сердце огнем одарила,
гори, мое сердце, гори.

* * *

В храме на камчатой скатерти
Жертвенный агнец вздохнул.
Мне показалось – на паперти
Образ твой светлый мелькнул.
Четко легли светотени,
В сердце остались следы.
Вот оно – Воскресенье!
Крылья прозрачней
воды...

АИСТЫ

Прилетают аисты на луг
по весне, когда земля дымит,
выбирать для радости подруг,
и душа торопится влюбиться.
Вьют гнездо повыше к облакам
эти бело-черные лелеки,
Подставляют грудь свою ветрам,
обручаясь с истиной навеки.
Отцветут дурманами сады,
на полях ячмень заколосится.
Из гнезда подымутся птенцы,
чтоб с тобой по осени проститься.

Не грусти, когда растает снег
и набухнут половодьем реки,
на лугу появятся лелеки,
рассыпая щелкающий смех...

* * *

Ты соло пел, Соломон,
и флейта в твоих руках
соломенною вдовой
вековала в стихах.
Вырублен виноград,
распяты навзрыд вожди.
а над Кедром – град
и огненные дожди.
Согрей на жаркой груди,
мне силы нужны забыть,
флейтою их пробуди,
чтобы могли простить.
но нет ответа – беда.
Грянул выстрел навзлет –
остекленела вода

И это пройдет...

* * *

Ни глотка не себе, не рыбам,
ни куска не себе, не тварям,
тянем землю гуртом на дыбу
по судьбы рваному краю.
Оголяем ее упорно,
обрекаем кружить бесплодной,
и земля сохнет коркой хлеба,
брошенной в небо.

2007

Наталья Косолапова Две точки. Стихотворения

* * *

обречённо идём
на сближение
по водоразделу
лунной магистрали

пересечение
параллельных

запрещено

Евклидом

* * *

в красную клетку
жизнь
залинована

не выходи

* * *

калёный уголёк
надежды
тебе бросаю
пасуешь

* * *

играю с тенью

глупый
котёнок

сломался
в полёте

почему?

* * *

некому срезать
маятники
испорченных
песочных
часов

разбивают время
узелками

неслучайных
совпадений

* * *

утренняя
пробежка

мурашек

по мокрой
спине

МЯЧ

Дышу ворсинками
вовнутрь,

пульсирует упруго
тишина,

мурашки расползаются
по коже.

Жду
удара.

Забыли?

***	***	***
сомкнулись	душа стучится	ледяные лепестки
челюсти	в закрытые	тают
деревьев	веки	на голых плечах
		новенький
сглотнули	занято	
тьму	***	в небесной
		канцелярии
***	Отлили маски, статуи,	***
хищное счастье	сложили камни,	рассыпаны
выпустило	принесли огонь	по подушке
когти	на палочках,	
	ждут	синие
готовится освободить		горошины
артерии для	каждый своего	
		сновидений
свежей	Иуду.	
крови		собираю

***	повесила в спальню	***
	старинное зеркало	Говоришь,
тлеет твоё		две
отражение	теперь	точки
	по вечерам кто-то	всегда можно
в моих	пытается	прострелить
зрачках	открыть дверь	
		прямой
не раздуваю	с той	
угли	стороны	речью?

Владимир Яковлев
Прилива нет. Стихотворения

барабан ты мой буйный
что глядишь ты так грозно
может спеть тебе песню
может совесть загрызла
кого ждешь ты скрываешь

кого любишь, не скажешь
как тебе одиноко
словно ты иностранец

срочно если не сказать напрасно
броненосец как усталый партизан
он сродни жестоким иностранцем
он создал прекраснейший капкан

и когда он вышел на дорогу
то земля не знала, что сказать
и нежнейшая воздушная тревога
прозвучала как едритьедренать

первым делом вычитаем листья
а вторым работу с тишиной
пробуди меня ты кладовщица
и пойдём с тобою мы домой

* * *

Пандора Пантелей елей
от каменного рифа

блистает видимая тень
и приобщает к рифмам

горела лампа у окна
и в грешности зарытый
увяз осенний караван
на чердаке открытом

* * *

у нас сегодня были петухи
они не натыкаются на глину
после похмелья радуются зине
и превосходят бляньем тоски

сегодня ночью был весенний снег
порой он стопроцентнее испуга
босой произнесением недуга
и удивителен и прочен как побег

и бодрствует дождь в огне,
он весь как праздник общего маразма,
пора срывать повязку с глаза
и прибывать спокойно вопреки

постой он кажется сказал прости
приемли и приди к нам снова,
благословенная корова,
пирамидальная почти

* * *

о мой бережный зверь
ты как праведный остров
о мой жгучий цветок
как нам спеть о былом

ты таинственный зверь
ты серебряный звон
ты которая спит
и не слышит рассказа

и она все молчит
и она вся в другом
но а ты на ином
берегу листопада

* * *

бежал он до конца равнины
потом настала ночь
декабрь вышел на средину
и захотел помочь

казалось, нет на свете этом
прозрачнее тебя
прости беглец в разлуке с бегом
не бросит вон копья

разденься, и пойдём на свалку
искать себе приют
а очарованные утки
нам песенку споют

* * *

путешествие вокруг белого кита
заканчивается врезанным поворотом
около его хвоста
и начинается бурная лихорадка
всех кто осмелился сказать
что бытие подобно пьяному скептику

* * *

прилива нет
а есть недавний шелест
пронизанный порывистостью дня
прибежище на камне

а дальше шорох захудалый прений
а дальше рёв приобретенный мглой
а что у нас ещё живут олени
нет не живут – они ушли домой

* * *

проточный век
у нас есть белый снег

зерно воды
в ослепшие следы

холодный свет
из клюва рождества

себя накрошит
в лоскут тишины

Марина Шалыгина
Русская ночь. Стихотворения

* * *

Куда бежишь во скифской обуви своей?
Бесшумной птицей от гнезда летишь?
Аль свистом ветер бьёт – разбойник-соловей,
Ночным набегом оглушая тишь
Полей Евразии, степей?
Пей воздух Родины и не тревожься. Пей
Прохладу ночи, мёд-вино.
С огнём костра и нами заодно
Танцуй и заедино пой –
Не покидай наш круг!
Не забывай слова, не будь слепой –
Прими приязнь из наших рук,
Прими, как хлеб! Не помни о плохом.
Луна ущербная зашла за холм,
Лишь тень её осколками в реке.
Мы друг за друга, и рука к руке
Соединимы, словно капли на стекле –
Как летняя трава – принадлежим земле.

* * *

У Лены – Лёня.
У Лёни – Лена.
Такая вот в жизни старческой их перемена.
Едут в дом отдыха издалека.
При встрече
Притормаживают
Слегка.
Как-то неловко Лене и Лёне
На склоне дня и жизни на склоне
О счастье думать, о Новом годе,
О танцах при ёлочке и при народе,
Прогулках в сумерках на природе –
Вот этак, рядом, в руке рука.
Лёня смотрит и умиляется,
Как Лена волнуется, как одевается.
Нарядной парой идут не спеша.
Валенки, скрип. И, морозцем дыша,
В канун Рождества молодеет душа.

* * *

Ткань судьбы под конец просто ветошь.
Что мечталось любить – не заметишь.
Убывающим, робким, но светишь,
Излучаешь. Но в это не веришь.
Изменён, будто, некий ген.
Или, может быть, я – манекен?
Или, будто бы, в пыльном багете
Я на старом привычном портрете,
Но не я это вовсе – лишь ретушь.
Как мелькает душа – не заметишь.

* * *

Вот русская ночь и берёзы.
Идём в темноте под зонтом.
За рощей безумные грозы
Белым играют огнём.
И безымянные души
Плывут в потоке времён,
Стрелами, копьями, пушками
Целят в берёзовый сон.
На западных русских равнинах
Тысяченокый бег –
Топот ливней. В глубинах
Рыб сумасшедших смех.
Влекутся куда-то народы.
Двигается медленно лес.
Минуты текут, как воды –
С древних славянских небес.
И поцелуйные звуки,
Клёкот лесных ручейков,
Деревьев сплетённые руки,
Цокот небесных подков.

* * *

Снега упала завеса
Словно невесты фата.
Под куполом неба и леса
Немыслимая красота.
Забудутся грязи потоки
И вязкая глина дорог,
Любимых слепые упрёки,
Неверия скучный урок.
И будто бы вновь на пороге
Любви. И внезапно с куста

Срываются птицы – как строки
На белые снега листа.

ПАМЯТЬ О ЛЕСЕ

Подземный ярус: муравьёв
Трудармии, работы до заката.
Жуки и мухи, и сосновая смола.
Шмелиный мёд в бочонках
В мышиной брошенной норе.
А сверху лучик ловит
Пыльцу ленивую,
И ветер рассеивает
Деревьев молчаливую любовь.
И будто ниоткуда – чуткие цветы.
И будто ниоткуда – земляника.
И время у всего, и смысл.
Тут ничего и никогда не пропадает.
И дождевые червяки,
Под ливнем вымокши,
Доверчиво ждут мига
Когда спадёт вода,
Чтоб мёртвое
В основу жизни превращать.

* * *

О чём ты думаешь?
– О Сирии.
И говорит о Маалуле.
(Славянский нос, ресницы сивые),
О языке чужом, о пулях.
О чём ещё... О Новороссии,
О справедливости, о Вере.

Туда он ездил прошлой осенью,
Он – был, он – видел (он уверен).
Он улыбается доверчиво
И грезит вслух про близкий отпуск.
Рукою машет: «с ней не венчаны».
Он говорит: « а вот мой опус.
Поправь немного, ты сумеешь».
Он говорит: «Чтоб люди знали
Всю правду и без всякой ретуши,
Ведь от неправды все устали»
Он говорит: «шепни невенчанной»
(Что за беда! Ну, просто дети,
Она не виделась с ним вечность!)
«Что я люблю её до смерти».

* * *

Блажат и пьют. Бурду, наверное.
Хотя не важно, что за яд.
Каверны сквера дышат скверной.
И режет по живому мат.

В кустах замученной сирени
Горланит Сирин, Алконост
Поёт гнусаво. Просят денег.
И улетают. На погост.

Пока не вострубили трубы
Фабричные. И волен бес
Во скрипе Финиста беззубом.
А вот и дождь. Кропит с небес

Ночную трапезу, траву,
Во тьму ныряльщиков – прохожих
Той местности, где я живу,
На птиц испуганных похожих.

Утихомиривает чад
И ор, и самый дух попойки.
(Машины изредка кричат.
Как страусы уснули стройки.)

И умирляет злость мою
И пуританскую досаду.
Пока в полёте Гамаюн,
Жизнь принимаю – как награду.

Но что за птица – я? Что за
Вокруг скамьи пригрелись лица?
Опять смотрю во все глаза:
Для чьих же рук я тут синица?

На облака, на стыд, на быт
Мигают, щурятся подъезды.
И древо в сквере шелестит
Собой соединяя бездны.

Сергей Дмитриев
Влажные стебли. Стихотворения

* * *

Сонные блики рассветного солнца
Щекочут пяточки нежной листвы.
Между ветвями неба оконце
Дышит, колыхается краем резьбы.

Утренний холод наводит порядок
Под крышей зелёной янтарных колонн,
Звук каждый ныне особенно ярок,
Капля росы на хвое – как кулон.

УТРО

Влажные стебли утренних трав
Тёмной тропинкой под лапы ложатся.
Тихая музыка солнца-костра
Даст песне дня снова тихо начаться.

Пряные запахи сладкой росы,
Яркие трели, шелест и шёпот,
Гулкий полёт полусонной осы,
Чей-то в траве бодренький топот...

Мысль, просыпаясь, стремится к Тебе,
Сердце поёт славу светлой богине.
Тихо стою и не верю себе:
Ты для меня с каждым вздохом любимей...

Владимир Бендлин

ЗАКАТ

Над столетними кронами яркой палитрой закат
Погружал в окоёме вершины в червонное злато.
Как Жар-птица огнём полыхала кольчуга заката.
Облака засияли, как в горне нагретый булат.

Корабельные мачты сосны янтарём заиграли.
Засыпая, ворочался воздух в мороза стекле...
Лапы ели густые, качаясь, мне что-то шептали
О загадках тайги на суровой уральской земле...

Преподносит в ладонях закат мне хрустальную братину мёда,
Приглашает отведать янтарного – я аромат пригубил,
Чистым воздухом леса дышал, наслаждаясь морозной погодой,
Счастьем с миром делился. И сам над землёй воспарил.

Истончившись, закатный пожар полыхнул напоследок.
Ветерок осторожный коснулся уснувших деревьев слегка.
Канул в сумерки ясный огонь в перекрестии хвои и веток.
Ночь ступала по чистому снегу тиха и легка...

Лариса Ерошкина

ОКРУГА

Голубизна небес
Под серостью пропала.
На зиму ближний лес
Залёг под одеяло.
В озёрах рыбаки
Высверливают лунки.
Оттуда чебаки
Клюют на все приманки.
Заснеженный Кыштым!
Озёра да болота.
Из труб домашних дым
Высокого полёта!
У стареньких домов,
Что живы еле-еле,
Застыли на часах
Сторожевые ели.
В их памяти сто лет.
Наверно, уместились.
Здесь прадеды и дед
Построились, женились.
Здесь вся моя судьба,
Здесь недруги и друзья,
И всё наперечёт
Известно мне в округе.

Юрий Халдин

ПАРАД

НА ЗЕМЛЮ ПАДАЯ КРУЖИТСЯ
ПУШИСТЫЙ ЛЁГКИЙ БЕЛЫЙ СНЕГ
НА ЗЕМЛЮ МЯГКО ОН ЛОЖИТСЯ
И НЕТ ЧИСЛА ЕМУ ВОВЕК

КАК ОДЕЯЛОМ ПОКРЫВАЯ
ДЕРЕВЬЯ КУТАЕТ ЗИМА
И ЛЕС СТОИТ КАК НА ПАРАДЕ
И ТИШИНА И ТИШИНА

Татьяна Руденко
На небесных пальцах. Стихотворения

* * *

Ударная на гласных звуках,
Поэзия – как неизбежность, рок.
В ней недосказанность меж строк
И образ, выстраданный в муках.
В ней строк немыслимая власть,
И невесомость, и паренье...
Здесь пути рвут без сожаленья,
От боли ощущая сласть.
В канву волшебного стиха
Эпохи проплетают нити.
И оживают вновь события.
И с нами говорят века...

* * *

Дождь со мной ведёт беседу,
Шепчет монотонно, глухо,
Мнёт траву продрогшим ветром –
Так ему сегодня плохо.
Он до глянца моет листья,
Обливает с шумом крыши,
Соблюдая рамки правил:
Под зонтами мы, он выше.
В просветлённые минуты
Разомкнёт сырые пальцы –
Засияют акварели
На небесных, светлых пальцах!

* * *

Люблю я тишину кладбищенских тропинок.
Покоем неземным пронизана листва...
Тускнеют краски дня,
и прошлого картины
Таит в своих корнях
проросшая трава.
И благовест кукушки
умершим не нужен –
Страдания ушли, закончены дела.
И проступают инеем вселенской стужи
Две даты,
два начала,
два конца.

* * *

Поезд скорый ночной
Потревожит мой сон.
И захочется мне
В нём уехать.
Пусть мелькают быстрее
Номерные столбы,
Да трубит
Паровозное эхо.
Незнакомые станции
Слепят глаза.
И качают уютно
Колёса.
И летит,
И дрожит
Голубая звезда
Над крутым,
Словно сабля
Откосом.

* * *

Стелет тополь серёжки пуховые.
Обжигает июнь синевой.
И загаром девчонки бедовые
Похваляются между собой.

Ближе стали закаты с рассветами.
У озёр золотая пора,
Пляшут огненными букетами
Костерки до прихода утра.
Под гитару басы неокрепшие
Неустанно твердят о любви.
И такие же сумасшедшие
Откликаются им соловьи.

* * *

Ангела не хочу отпускать!
А он (наверное) ищет пару.
Вечерами его продолжаю ждать,
Но во мне ни пылу, ни жару,
Агонии тоже нет –
Прострация или кома?
Я продолжаю ждать
Единственного моего
Дома.
Двойник мой, второе «я» -
Потерянный? Безвозвратно?
И в лету течёт вода.
Туда, но не обратно.

Анна Клепалова
Ямальский сталактит. Стихотворения

* * *

Зима, Ямал. Забытый Богом
Посёлок в забытии глухом.
На берегу реки пологом
Заря пропела петухом.
Но зимний свет здесь так недолог,
И через час уже темно.
Луна – ямальский наш психолог –
Глядит внимательно в окно.
Казан, свеча, кочан капусты,
Бутылка масла на столе –
Не одиноко и не пусто
В просторной жаркой полумгле.
Мерцает пламя, воск стекает,
Казан вздыхает и бурлит,
И каплями стекает, тает
С двери ямальский сталактит.

* * *

Охотники щенков пригрели –
Они резвятся и ворчат.
От злых морозов и метели
Спасает мех густой волчат.
По вечерам под пьяный гогот
Щенков несут в тепло сеней.
Те отказать никак не могут:
Чьё право, брат? – тех, кто сильнее.

Волчат друзьями называют,
Ерошат шерсть, толкают в бок,
Грибы и водку предлагают,
Дымят вонюче в потолок.
И волокут по жиже бурой
Поближе к пиршества столу.
И хвастаются серой шкурой
Волчицы-мамки на полу.

Лидия Бессонова
Палеолит. Стихотворения

ИГНАТЬЕВСКАЯ ПЕЩЕРА

В селе Серпиевка пещера есть такая.
Игнатьевская келья в глубине сокрыта.
Святой там старец жил. И все об этом знают.
А кто-то верит – царь. Но истина закрыта.

Сюда спешат со всей России. И не только.
Увидеть это необычное творенье.
Там собирается всегда народу столько.
Идут, чтоб совершить земное поклоненье.

Намоленное место. Просветляет. Лечит.
Оно притягивает. Исцеляет душу.
Нерукотворная икона в келье светит.
И святость места посетитель не нарушит.
Игнатьевская Богоматерь – это чудо.
И атеист, и верующий – все с поклоном.
Людьми другими возвращаются оттуда.
Благодарят молитвою иль тихим словом.

Ещё там камень есть, как стол огромный, плоский.
Поверие давно такое существует,
Что нужно там прилечь и попросить по-свойски.
И всё исполнится. И сердце так ликует.

Особенное место. Каждому понятно,
Кто хоть однажды побывал в пещере.
И объяснить сей феномен не может внятно,
А силы пробуждаются. На самом деле.

Научное сообщество признало келью
Творением «пещерного палеолита».
А я в божественное сотворенье верю.
И образ Богородицы нам всем защита.

ПИТЕРСКИЕ МОТИВЫ

В доме Зингера (на Невском)
Сажу в Доме книги, в кафе.
Одна. Но совсем не скучаю.
Висит аромат «Нескафе»...
Идущий народ изучаю...
За окнами Невский шумит.
Проспект, как поток бесконечный.
Напротив Казанский стоит.
Российский – стабильный и вечный!
Сажу. Наслаждаюсь. Пишу.
Мою молодёжь поджидаю.
В глаза иностранцев гляжу
И всё-то про них понимаю...
Я с сыром жую бутерброд
И пью минеральную воду.
Смотрю за окно, на народ,
На питерскую непогоду...
А мне так уютно, тепло...
В мир книги мои углубились.
Я жду. На душе так светло...
Во времени остановились...

* * *

Так хочется, хочется счастья!
И возраст совсем не причём.
Как вдруг разгораются страсти...
Осудят? А мне нипочём.

Тропинка становится уже,
По жизни, прижавшись, идём.
И Бог пусть избавит от стужи,
Когда одиноки вдвоём...

* * *

Реальности не бывает много... Миг!
Остальное время – иллюзии.
Взаимопонимания острый пик
Убивает мысли досужие.
Лист осенний летит, объятый солнцем.
Руки разжаты... Сомнения зреют...
Так лучик заглядывает в оконце...
Внутри не проходит... И душу не греет...

* * *

Моё пространство жизни -
Дети.
В ответе за них.
Считаю, должна быть я...
Глупая...
Они – чужие галактики...
Далеки...
Теряю связь с ними...
Родными...
Уже – не моими...

Рудольф Сырейщиков

Антошка. Рассказ

– Папа! Посмотри на машинку! Она лучше твоей у меня получилась!

Сообщая радостную новость, Антошка выбежал навстречу пришедшему с работы отцу. Действительно, по сравнению с журнальным рисунком, по которому накануне папа сконструировал сыну машинку, Антошкина модель выглядела интереснее. И так шустро бегала по широким половицам!

– Молодец, сынуля! – оценивая работу, улыбался отец.

– Я тебе ещё и не такую соберу! – хвастался Антошка и прижимался к папе, не понимая, что тому после работы хочется отдохнуть.

Антошка каждый день задавал новые и новые вопросы, и приходилось, даже лёжа на диване, что-то ребёнку показывать и рассказывать. Папе помогали популярные технические журналы. Сергей работал на заводе инженером-механиком и хотел, чтобы сын рос творчески мыслящим человеком, знатоком техники. Кто знает, может, вырастет из него мастер на все руки, профессионал, умеющий разобратся с любым, к примеру, бытовым, агрегатом. Будет на производстве внедрять инженерные идеи, дополняя авторскими гонорарами семейный бюджет.

Боевой характер Антошки, светло-голубые весёлые глаза и кудрявая, в папу, голова привлекали внимание соседей: «Славный пацан!» Он находил общий язык с дворовой детворой, легко учился и игре в мяч, и езде на велосипеде: сел в седло, да и поехал, смеясь от радости: «Смотрите на меня!»

Упросил, буквально вынудил, родителей съездить с ним в Таиланд, «покататься на слонах», что и было зафиксировано на фото и в любительском фильме.

Антошкина мама работала в школе учителем русского и литературы, старалась влиять на сына, так сказать, педагогически. Хотя у неё было много дел, и после школы она обыкновенно садилась за компьютер.

С женой Сергей был знаком с детства, провожал её домой из школы. А потом учились в Челябинске – она в педагогическом, он – в политехническом. Вместе ходили на выставки, в музеи и театры, увлекались всем, что даёт бурлящая разнообразием жизнь областного центра. А после вновь оба оказались в родном городе, работая по приобретённым специальностям. Так житейские обстоятельства и склонили их к брачному союзу. И Сергей, и Полина были, по мнению друзей и знакомых, уравновешенными, здравомыслящими людьми, и семейная их жизнь была спокойной, а родившийся у них сынишка, подвижный и любознательный, вносил свежую струю в размеренный быт. То рисовал, как умел, смешные портреты родителей, то принимался мастерить роботов. Главное, особое, место в жизни мальчика, конечно, занимал папа. Антошка с нетерпением поджидал отца с работы и советовался с ним по всем своим мальчишеским делам.

Работа, заботы... Антошке шесть лет. А у Сергея первые искорки седины.

И, согласно поговорке, «бес в ребро» не задержался. Банальная, в сущности, история! Кризис среднего возраста! В цехе, которым руководил Сергей, появилась новая работница, молодая женщина Настя, за которой стал Сергей ухаживать, она охотно принимала букетики и в непринуждённых беседах не отказывала.

И вот случилось непредвиденное в спокойной до недавнего времени семье. Не дождался однажды Антошка своего папу с работы. Не пришёл тот и на второй день, и на третий.

– Где папа? Почему его нет?

Весь Антошкин вид был этим вопросом. Трудно было Полине Григорьевне объяснить сыну настоящую причину, но, всё-таки, реши-

лась она выговорить, что папа живёт теперь с другой тётей. Как было Антошке понять новые обстоятельства? Не ждать папу с работы, не кидаться ему на шею с новостями... Вдруг стала ненужной и маска чёртика, сделанная втайне от отца, и новая модель корабля... Хотя он всё равно верил, что папа вот-вот явится. Надеялась и Полина Григорьевна. Коллеги уверяли её, что Сергей, де, «перебесится» и вернётся в семью. Но Сергей не возвращался.

Неизвестно, смогли бы они свыкнуться жить без папы Серёжи, как развернулись бы события, если бы не случай. Как обычно, после детского сада, входя с мамой в автобус, Антошка неожиданно увидел в нём папу, который сидел рядом с той женщиной – разлучницей. С нахлынувшим чувством большой радости Антошка кинулся к Сергею. Что-то весело говорил, потом стал умолять папу вернуться скорее домой.

– Пойдём, пап! Ну, пойдём же! – тянул за собой растерянного отца... Когда мать, торопясь и запинаясь, повела сына к выходу, он стал плакать на весь автобус, вызывая сочувствие пассажиров. Горький плач продолжился и на улице, и дома, как мама его не успокаивала.

Эта встреча стала для Сергея самым большим испытанием за всю жизнь. Сына он любил по-настоящему. Собирался навещать его после развода, участвовать в воспитании. Но хорошо ли это для ребёнка? Сможет ли сам Сергей жить, только изредка встречаясь с Антошкой? Возникали у Сергея вопросы к самому себе: «Что же ты за отец, если хочешь оставить без настоящего внимания родное дитя? Стоит ли таких жертв новая влюблённость? Любовь ли это? Или просто болезнь, которую надо осилить?» Чувство вины не покидало его. Было не по себе и его пассивности, она не готова была к таким сложностям. Она и Сергей в этот вечер замкнулись в своих размышлениях. Сергей всю ночь не спал. Память демонстрировала счастливые моменты: поездка с сыном в парк, катания с ним на маленьком поезде, на катамаране по водной глади. Вспоминалась вся полная дружбы и взаимопонимания семейная жизнь с Полиной, они так сроднились, а его предательство – оно не красит.

Наутро, ничего не объясняя сожительнице (никакие объяснения не были бы уместны), Сергей собрал вещи, решив без колебаний направиться по прежнему адресу. Настя молча, без слов упрёка закрыла за ним дверь, ведь после сцены в автобусе она не раз вспомнила выражение, что на чужом несчастье счастья не построишь.

В замешательстве и внутренне не готовой к прощению изменщика оказалась Полина Григорьевна. Придя домой, она долго стояла на пороге, незамеченная, наблюдая общение двух своих родных и любимых мужчин, больше и больше склоняясь к мысли, что, наверное, надо простить Сергея ради их общего, а в большей степени, Антошкиного счастья.

Людмила Щелконогова

Иван-чай. Сказка для детей

Живёт в народе молва:

Много лет назад неизвестно откуда появился в одном селе мужчина, назвался русским именем Иван. Поставил себе домик на окраине, поближе к лесу, да и стал там жить. Занимался сбором лекарственных трав, сушил их, связав в пучки, подвешивал или раскладывал на чердаке, а потом хранил в холщовых мешочках. Стали поговаривать, что Иван этот не простой мужик, а знахарь, и может лечить. Потянулись к нему недужные за помощью. Никому не отказывал травник, и полюбили его жители села.

Но были и такие, что возненавидели Ивана за его доброе отзывчивое сердце, завидовали чёрной завистью, но до поры, до времени скрывали это. А знахарь не подозревал ничего, продолжал лечить травами да наказывал заваривать их небольшими порциями и пить как чай. За это и прозвали Ивана – «Иван – чай». Однажды, в начале осени, ясным тёплым днём бродил лекарь по лесу и собирал полезные растения, которых было множество. Каждая травинка, каждый листок – помощники в сражении с болезнями.

Вечерело. Корзинка была полной. Настала пора идти домой. А в это время сговорились злые люди известить травника, сжечь его вместе с избой. Подкрались к избушке, двери колом подпёрли, чтобы выйти было нельзя – не знали, что дома никого нет – набросали сухого валежника и подожгли со всех сторон. Огромным костром запылало жилище. Почувствовав запах дыма, ускорил Иван шаг, а когда вышел из леса, увидел толпу односельчан, пытавшихся погасить пламя, но

было поздно: осталось от усадьбы лишь выжженное до земли место. Постоял – постоял знахарь, смахнул со щеки горькую слезу, повернулся да и исчез в лесу. Больше его никто никогда не видел.

Прошла осень, кончилась зима, наступила весна – красна. Зацвело всё вокруг, ожила природа, а на месте сгоревшего домика Ивана стали пробиваться зелёные всходы, которые превратились в высокие стебли с узкими листьями и тёмно-розовыми цветками. Люди нашли эту траву и узнали, что отвар её обладает целебной силой и очень приятен на вкус. Придумали название в честь травника: Иван-чай, а по – научному: кипрей. Кипрей часто растёт на бывших пепелищах, на опушках леса, да и вблизи деревень. Это, говорят, последний людям подарок от знахаря Ивана.

Марина Шалыгина

Клуб. Рассказ

- Живодёрская!
- Я!
- Строчкишин!
- Тут!
- Секретова! Умницкий! Вытяганец! Горлопанова!

И так далее. Идёт опознавание своих. Главным образом, это дамы неопределённого возраста. Наконец все рассказываются по отсекам. Наушники; под правой ногой – педаль аплодисментов; слева – красный глазок проверяльщика грамотности. Стоит невероятный шум. Читаются собственного производства стихи, в основном о любви. Кто-то вращает очами в накладных ресницах, кто-то раскачивается справа налево, кто-то вращается по часовой, кто-то шепчет и хнычет. Каждые несколько секунд авторы нажимают педаль, и в уши читающих с отрядной силой гремят овации. Почти никто не оглядывается на огонёк проверяльщика, а кое-кто вообще заклеил его жвачкой, в том числе и я. Те же, кто оглядывается на сигналы, с презрительной миной игнорируют их: поэзия, как и любовь – дитя свободы и не нуждается в законах!

Начитавшись и наслушавшись оваций, счастливые авторы, в поту, со встрёпанными кудельками, встают с рабочих мест, оживлённо переговариваются:

- Слышали, Пугачёва умерла?
- Что Вы, Тамара Васильна, жива! И с новым мужем!
- Это министр культуры того-с.
- Он не умер, он впал в летаргию, знаете, от недостатка финансов.
- А министр образования, говорят вообще – сбрендил!

– Моя собачка очень любит, представьте, молодых поэтов и...

Сладкоголосый администратор призывает к очередным полётам на Пегасах. Авторы рассаживаются на разномастных лошадок и едут по кругу. Механизм заедает, администратор обещает через недельку позвать настройщика. Две особы ссорятся из-за масти Пегасов. У одного коня крылья очень коротенькие, и я – его наездница – точу слёзы: это не мой, честное слово!

После карусели начинается основное действие. Огромный торт, посыпанный шоколадными буквами русского алфавита, опускается на стол. Набитые рты успевают рифмовать, листы с шедеврами промасливаются и намокают в лужицах чая. Глаза вдохновенно блестят.

– Когда я еще не вступил в Союз, пропади он пропадом...

– Мои строчки никем, никем не поняты!

– Позвольте, Ваши – понятней некуда! Два притопа, три прихлопа!

– Теперь взяла себе новый псевдоним – Клеопатра Лоретти!

– Это соответствует времени, дорогая!

– Обожаю реализм с постмодерновой кантиленой!

Живодёрская объявляет сбор средств на очередной номер альманаха. Кое-кто скрывается в туалетную комнату. Кто-то жалуется на голодную старость. Кто-то бурно радуется и жалобно просит зарезервировать хотя бы страничек пятьдесят на первую часть поэмы «Долина топиамбуров».

За дверями на стуле томится дворник Петрович. У него припасена бутылочка, он ждёт, когда литераторы отвالتها от угощения. Они всегда просят его выбросить мусор, заодно можно урвать закусочку. Слушая задверные речи, Петрович вздыхает:

– От сороки! Брови насурьмили, рты понамазали!

В это время разгорается скандал:

– Почему в прошлый раз я только два раза летала на Пегасе?

– Ваш русский хромает, ну и Пегас – тоже!

– Нет ритма!

– Есть!!!

– Говорю, нет!

– Есть!!! А Ваши стихи – гимн извращенцев!

– Мои?! Гимн извращенцев?!

– Конечно! Вы же пишете: «Привязался к тебе, как собака»!

– Господа, это же плагиат! Игорь Шкляревский! Варварство!

Всеобщий гвалт. Дворник машет рукой и уползает с бутылочкой на улицу. Администратор с привычным терпением наблюдает, как тройка писательниц выдирает друг у друга крашенные кудри.

Между тем, голодные спешно доедают русский алфавит и выковыривают иностранные буквы из серединки. В углу, задвинутом стульями трапезников, на проваленном кресле пригорюнился Умницкий. Он отчаянно соскучился и мечтает о моменте освобождения. Над ним в воздухе летают самолётики, сделанные соперницами из листов с чужими текстами.

Впрочем, общество постепенно рассасывается. В холле собралась группа для фотографирования – все обнимаются и дружно говорят слово «сы-ыр». В одном из отсеков администратор находит тощего старичка, который непрерывно жмёт на педаль аплодисментов, с клёкотом дочитывая свой роман в стихах.

А освобождённый Умницкий и Петрович уже сидят на чурбачках в подсобке и с искренним энтузиазмом чокаются стаканчиками старого образца.

Около наружной двери останавливаются горожане с авоськами:

– Видал? Поеты опять гудели. Культурная публика! Нам не чета! Мы больше по бутылкам, а они – в журналах деньги зашибают!

Александр Петрушкин
Тыдымский дневник. 2016 год

1/01/2016

Ну вот чем развлекается тыдымский мужик 1 января с десяти и до четырех вечера? Ответ прост – дрова колет в 30 градусный мороз. Круче, чем в русскую баньку сходить

9/01/2016

Вот честь по чести. уйти из фб, и иных сетей, сайтов, порталов. писать в год по сотне негромких стихов и жить счастливо на своей окраине.

11/01/2016

О погоде. Читаю ленту и дивлюсь. Ну нифигажебеда? В Москве «сильные морозы» – аж до -20 или -22С. Никогда такого не было в России. Снег выпал – до 20см сугробы. Невиданные снежные заносы среди наших египетско-турецко-московских пирамид. Абалдеть – даже техника не справляется. Для справки – на моей скромной тыдымской территории – с 31 декабря прошлого года 10 дней было под -35С, ну и легкий снежок был прибран за часика полтора лопатой (сантиметров так 70 на площади около 100 кв.м, то есть сотки – придомовая территория + собственно двор). И это не слишком холодная и малоснежная зима в наших местностях. Вот лет 15 назад бывало куда прохладнее и сугробистей. Отчего-то у меня ощущение, что это нормально в наших краях. Маргиналия о том, что в детстве и сугробы были выше и зима зимой.

12/01/2016

Максимум, на что хватает самых смелых быть свободными людьми.

18/01/2016

Посвящение само прилепливается к тому или иному стихотворению – ощущение, что они живут самостоятельно – во всяком случае самостоятельнее, чем мы.

19/01/2016

Боюсь заговорят в этом году Осипа Эмильевича, как у нас водится. Плакаю про это.

20/01/2016

Из переписки с Андреем Тавровым: Александр, Ваши стихи меня вдохновляют, они продолжают и развивают практику и мировоззрение метареализма, и мне это близко и радостно.

Из переписки с Андреем Санниковым: Вчера Серёжа передал мне твою квадратную, рыжую («обгорелую и промасленную») книжку. Обалденную. Она безупречна. Отношение у меня к ней торжественное, праздничное и благодарное. Поздравляю тебя и всех нас с такой книгой. Ура! Главным, центральным, образующим ветви во все стороны текстом, на мой взгляд, является сумасшедше прекрасная «АНГИНА». Отдельное и специальное спасибо за дирижаблик на обложке. Полагаю – это чертёж из знаменитой «Технической энциклопедии» 1920-х – нач. 1930-х гг.? Ну и бомба заводная хороша. Для тех, кто понимает. П. С. Марина смеётся, говорит – «хватит уже любоваться книжкой! книжки чи-та-ют! читай давай!» А я нет-нет – да и снова на дирижаблик посмотрю.

21/01/2016

О скандале на Оскаре по поводу не включения афроамериканцев в списки для меня проявление расизма, но обратного по знаку. В принципе – обозначение какой-либо группы, как привилегированной

по отношению к другой и есть расизм. Возможно стоит быть несколько более талантливым, а не ссылаться на свой цвет кожи, как причину быть замеченным. Впрочем то же самое м. отнести и к другим меньшинствам, что претендуют на равноправие. То есть в моем понимании – толерантность – это особо извращенная форма расизма. Дьявол кроется в деталях и попытке быть необоснованно оправданными, и в выборе из двух мер добра.

Современная русская литература всё больше напоминает стенгазету (имею ввиду не собственно то, что пишут, а так называемый литературный процесс). Маргиналия с обочины.

24/01/2016

Стихотворение, на мой скромный, всегда осуществляется/существует на ничейной полосе автор – читатель.

28/01/2016

Область поэзии стала слишком уютна

12/02/2016

Мир вокруг нас перешёл в ту стадию, когда уже не важно, что мы о нём знаем, но крайне важно – во что мы верим.

Вера это скорее наше представление о нашем знании.

22/03/2016

Маргиналия по разговору в сети (больно уж понравилась эта сеточка – речь идёт о нашем сетевом «артистизме»):

Я: Ты который здесь это не ты, и даже тот ты, который в реале – это не ты, а ты это тот, который с тобой внутри тебя ведёт бесконечный разговор и постоянную переоценку [ну если ты еще жив, конечно].

Собеседник: угу. только когда пнут и плюнут в каждого, который не ты, почему -то резонирует-то в том, который ты.

Я: Это потому что тот, который не ты, это тоже ты – и это радость [иногда болезненная] узнавания, самоузнавания

23/03/16

К предыдущей записи: (вынесено из комментариев) вот путь человеческий и есть попытка найти целомудрие – вот меня двое постоянно (а когда выпью – так ещё и третий подсаживается).

Чтение на день. Мандельштам «Скрябин и христианство»:

Феномен русской поэтической речи (а она абсолютно / в первую очередь / музыкальна – это очень христианский феномен, что мне нравится. Вообще известно же, что все внешние конфликты – это конфликт двух начал эллинского/языческого и христианского/малоазиатского = во втором из них отсутствует ужас потому что в нём (в идеале) основа цельность и неразделённость человека.

О О.М. Эллин в христианстве. Разночинец – как стиль мышления – они и сейчас здесь с нами – легкоречивость, следующая из неглубокого анализа и знания.

ОМ. Цитата о «поэтических школах» (или почему всегда есть возможность выйти за пределы школы и почему это нормально – для тех, кто понял про, что я): *«Литературные школы живут не идеями, а вкусами; принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов значит не сделать новой школы, а лишь основать поэтику. Наоборот, можно создать школу одними только вкусами, без всяких идей»*

Исключительно индивидуальная трактовка одного термина. Разночинец – это стиль мышления – они и сейчас здесь с нами – легкоречивость, следующая из неглубокого анализа и знания.

25/03/2016

Выход антологии «Русская озёрная поэтическая школа» в бумаге.

31/03/2016

По следам одной из записей у себя в ленте – подумал, что обретение биологического бессмертия автоматически приведёт к исчезнове-

нию искусства, что лишний раз убеждает меня в осмысленности присутствия Бога [ну и некоторого смысла в нашем присутствии здесь].

(...) Здесь слишком большие пробелы между суждениями. Например, искусство предполагает исчезновение творящего субъекта со сцены, если же оно /искусство/ м. существовать и продлевать себя в его /субъекта/ присутствии и бесконечно во времени, то оно теряет самоценность и становится конвейером (в значении – ремесло) ну и так далее.

(...) Субъект творящий наш мир расположен за пределами смерти, то есть вне космоса или времени – бессмертие биологическое предполагает отсутствие выхода за пределы смерти. Искусство не знает категории хорошее или плохое – либо есть оно, либо есть массовое, бесконечное, бессмертное производство (само?) – смысла в котором (лично я) не вижу, но смею предположить, что смысл в его (искусства) существовании должен присутствовать.

Из забавного (внутреннего): заметил, что чем более меня пытаются комментировать по вектору «бога нет и проч.» – тем более её (веры) объем во мне и понимания догматики. Потому спасибо всем причастным к этому процессу. Хотя, признаюсь, ещё лет 7 назад был пустым кувшином во всех смыслах.

На вопрос «какое отношение имеет Бог к религии?» ответил бы так: она [религия/церковь] – попытка найти смысл в его и нашем взаимодействии.

5/03/2016

Есть три области существования литературы [здесь – поэзия]. Первая – профессиональная (она себя изнутри так самоопределяет и замкнута, и сегментирована до исчезновения). Вторая – условно любительская (она так определяется извне – причём очень произвольно это определение и взаимопроникающе со стороны обоих субъектов). Третья – способ со-существования и со-возрастания языка, как формы метафоры или меры взросления, и автора. Исходя из присутствия этой [третьей] области наличие первых двух имеет значительность/существенность, устремленную к нулю.

Стихотворение Димы [Машарыгина]:

Не умирай во мне: дыши,
Дыши, дыши – я вымыл ноги,
Побрился, посмотрел на жизнь
И понял

Всю странность бедных птичьих слов
О небе, что оно подросток
О жизни, что оно белье
И прочее

Прежде отписал Диме, что АЮС. После пришлось объясниться
Общность в архитектуре действия. Это м. сказать не про всё и не про всех. Подобная архитектура действия есть в моём поле зрения только у нескольких человек. Это не копирование, это общий воздух. Утренний. Смёрзшийся.

Чистый воздух между жизнью и смертью и обратно. Это плоть общего дыхания нескольких собеседников. И в этом смысле, аюс – это не человек, это это.

6/04/2016

Поэзия существует не от избытка, а от недостатка. Ложка, которой субъект высвобождает в себе место для нового неба и новой земли. Как Лёша Александров говорит для небесного Тыдыма.

7/04/2016

О самоидентификации. Прежде [и только] определяю себя поэтом, а прочую свою сублитературную деятельность понимаю, как одну из нетвёрдых форм существования/присутствия поэзии в моих окрестностях [в том числе и внутренних].

Мечта. Стать молитвой. Лицо – всплеск весла.

11/04/2016

Всё намного проще, чем кажется – а всё простое намного сложнее, поскольку неделимо.

Только что завершил подготовительный этап по следующей книге из серии «Только для своих» Андрей Санников. Мирись. Прощайся. Что интересно – чем более общий «смёрзшийся воздух» [см. записи выше] у меня с автором книги – тем обширнее/просторнее она. Вот эта книга скажем в 140 страниц вышла.

Думаю, что после смерти поэта из Стерлитамака [Роман Файзуллин] имеет смысл закрыть проект «Они ушли. Они остались» – дабы не множить энтропию и мифологию. Неправильную мифологию. Ничего красивого и поэтичного в этом поступке нет – говорю это, как поработавший некоторое время в морге – как раз в судмедэкспертизе. Жить сложнее, поэтичнее и – благодарнее.

12/04/2016

Дослушал стол «Что и как писать о поэтических книгах?». Ощущение «разночинского» мероприятия. Интересны (в смысле совпало с моим внутренним) реплики Андрея Таврова, Михаила Озмителя. Но это были точечные попадания – всё остальное показалось либо неразвёрнутым, либо скомканным, либо рекламой. Меня же более всего в данном случае интересуют технологии, которые не были почти раскрыты или показаны в полном объеме (хотя в реплике Вадима Месяца был краткий фрагмент, посвященный именно им – но тема не получила развития). Прекрасна также финальная реплика Андрея Пермякова о переходе к неформальной стадии общения. Он молодец. Неформальная стадия наиболее верная форма существования литературы вообще – а какие вопросы при этом заданы не столь уж и важно. Особенно – к финалу.

13/04/2016

Поэт, некогда переехавший в одну из метрополий из Омска, всё более напоминает мне Магду Арлазорову, то есть нет у меня ощущение,

что сотворённое им с собой хоть сколько-то органично, то есть выбор левачества ему столь же идёт сколько и выбор ультраконсервативного направления. Главное – действие, а не осмысление его. Ну и таки да – метрополия это совсем не часть русской цивилизации, а современное левачество во всех своих формах это арт-проект (по моему внутреннему убеждению).

15/04/2016

О Гумилёве. Понял, что у меня нет любимых стихотворений у этого поэта, но вот его дальнейшие влияния и последствия некоторых литературных действий его не могу не поприветствовать, то есть его последствия больше его поэтических результатов.

Должен заметить, что я его читал и читал избыточно – особенно до 27 своих лет. Но все же есть некоторая разница между словом нравится и словом люблю, это как разница между цветами, которые доставляют некоторое [временное] наслаждение и ветром, который прорастает сквозь тебя и он [ветер] становится тобой, а ты его [ветра] частью. Стихотворения Гумилёва уютны, как камин или ваза над камином, но ветра для меня в них не больше, чем на фотокарточке ветра (по моему скромному и частному).

16/04/2016

Вчера в первый раз за лет пять в Тыдыме собралось местное литобъединение. помимо всего прочего был задан вопрос – имеет ли смысл писать стихотворения, когда столько поэтов вокруг. Ответил крайне просто: сейчас много людей, которые думают, что они что-то пишут, но на самом деле число поэтов в русской литературе, да и прозаиков вряд ли превышает показатели дореволюционной России, но имитаторов (имитационной поэзии/прозы), в связи поголовной полуграмотностью и отсутствием даже попытки верно себя оценивать в общей линейке – действительно бесконечно много, что нас волновать не должно ни в коей мере. это всё, что вам следует знать о нашем литературном объединении и его вождем [надо понимать, что перед

лито я для себя верстал книгу Алексея Парщикова в свою библиотеку – вот отпечатаю и поставлю на главную полку в своей библиотеке].

Для меня разницы нет – и не-поэт и версификатор для меня суть одно (просто мы привыкли быть аккуратными в выражениях (свой особый словарь придумали), а этим самым уподобили поэзию кружку кройки и шитья.

17/04/2016

В Святодухосошествии – после исповеди отец Константин поругался на меня и не стал причащать. Стоит ли говорить, что рассказывал о своей гордыни – микстура хорошая, движитель от и к. Аполлинарию причастили. Она затем говорит мне: ну если что, то я смогу просить за тебя. Правильные слова. Повод для радости. Действительно – «будьте, как дети» и «никто не может спастись, но может быть спасён». Хороший день. Спасибо.

18/04/2016

Живу в какой-то не общей реальности и в ином времени. столько не проникающих в меня мест, слов, реакций. вероятно, что это нормально.

Сегодня читал афишку к приезду Яниса [Грантса] в Тыдымскую библиотеку – «талантливый» поэт – ну библиотекарям такой казус простителен, а вообще суть ведь притчи о талантах не в том кому и сколько дано, а сколько и кто принёс обратно (то есть преумножить, а не сохранить). Возможно от того и раздражает термин [талант] тех, кто в процессе – нам-то важны метаморфозы наши, а не статусность.

21/04/2016

Из наблюдений: церковь появляется в твоей жизни, когда ты понимаешь, что ты находишься вне её, а Бог с ощущения пустот в себе.

О Ивкине. Наташа в разговорах с Янисом в его тыдымский приезд говорила, что ей нравятся стихи и манера его публичных чтений. Моя реплика, что мне не нравится, поскольку и собственно текст, и исполнение текста [озвучка] напоминают традиционный японский театр (а

восточная драматургия, в моем представлении «разночинца», сродни древнеэллинской с её [только несколькими масками] – вот и здесь я вижу условность рисовой бумаги). А вообще [сторонний наблюдатель] С.И. надо научиться останавливаться и дышать, не спешить, не казаться – а быть. Серёжа хороший человек, но добровольно самозаконсервированный в образе [по своей воле? или от испуга?].

22/04/2016

На днях Марина Волкова в одном из своих бесчисленных интервью пишет, что из стихотворного наследия ВК по стихотворения уральских поэтов разлетелись бесчисленные стрекозы и ангелы. Улыбаюсь. Помнит ли Марина о жирных карандашах стрекоз Мандельштама (ВК точно помнит, если внимательно читать комментарии к «Мерцанию» про оппонирование его стрекоз сальным и тварным мандельштамовским), но пиар он всегда такой бессмысленный и беспощадный.

5/07/2016

Из маргиналий фейсбука на тему консерватизма и либерализма в их нынешней форме.

Вот я не понимаю: почему я (ультраконсервативный фундаменталист по убеждениям) более приверженец свободы мнений и мысли нежели мои либеральные (номинативно) друзья, отчего мне в их речах, записях и проч. чудится большевистский угар. Есть в этом что-то неправильное (...)

Мы уже в том возрасте, когда можем себе позволить: 1) не нравиться 2) не быть популярными 3) быть приверженцем не слишком популярных идеологий 4) вести цивилизованные дискуссии в рамках существующей системы (без тех потрясений, про которые говорил Столыпин) 5) не быть с народом или быть с ним – если то, что сейчас у него в мейнстриме (не) совпадает с нашими убеждениями. (...)

Обстоятельства, на мой взгляд, не могут служить оправданием отказу от основных принципов самономинии – в противном случае получается «цель оправдывает средства», а это – согласитесь – несколько не демократия. Потому в описываемой мной ситуации – я бы сказал, что демократы

своей стилистикой самоунижают. Потому я и говорю про «большевистский угар». Более того я считаю, что терминология принятая и консерваторами и либералами в данный момент состоит из сплошных подмен и самономинаций, то есть не является чем-то подлинным и традиционным (в смысле совпадающим с прежними заложенными в термины смыслами). (...)

Говорю лишь о стиле подачи или «отстаивания», которые сильно рознятся и сильно не соответствуют изначальному либерализму и более того противоречат его принципам – ну и стало быть «рождают дракона» (который я и называю большевизмом – когда меньшинство самономинирует себя в пассионарии, и ведёт вторую половину – как правило, зримо большую – к счастью и победе коммунизма, национализма, демократии, теократии и тому подобного. (...)

Мы играем по заданным правилам, в заданную игру и со всего двумя вариантами исхода. Но выиграть может только тот, кто вместо шахмат начнёт играть в футбол, или вообще покинет эти игры (вот он и есть реальное меньшинство), а мы играем написанные для нас роли (обращаю внимание, что я говорю и про консервативный и про либеральный лагеря). В данном же случае мы имеем дело с подлогом выбора – а наше существование много вариативнее, но нас убеждают (и мы убеждаемся), что есть выбор только из двух вариантов. Отсюда и сходство в стиле и у сторонников ответа А и у приверженцев ответа Б. Но лично я предпочитаю путь В или У. (...)

Предпочитаю не выбирать из двух сортов дурной подачи (опять же о стиле) – ну а потом надо понимать, что я христианский фундаменталист, (что и обозначено в исходной записи) потому то, что происходит у Кесаря и тех, кто желает стать Кесарем – для меня не имеет смысла. Ну и плюс – Who is John Galt? – я не могу изменить других, но могу изменить себя и то, что в поле моего зрения.

09/07/2016

У приверженцев гендерного освобождения оптика сильно отличается от тех, кто существует среди привычных заблуждений (например – моей). Боюсь, что здесь что-либо бесполезно доказывать – по-

скольку хотя бы одна из сторон должна допустить свою возможную неправоту).

Отвечу и я на вопросы, которые задал за запись до этой. Вопросы были такими:

1) *Кто из вас считает себя совершившимся поэтом (литератором) и чем вы это обосновываете?*

2) *Для чего это (ваше занятие) вам? что оно для вас?*

а) я себя не считаю совершившимся по нескольким причинам:

1) я еще не написал стихотворения, которое меня бы полностью удовлетворяло, как читателя.

2) вероятно, что совершившимся можно назвать только того, кто наконец-то обрёл молчание (в том или ином виде)

б) для меня поэзия – это:

1) метод познания/осознания этого мира – то, что придаёт ему хотя бы некоторую объёмность и осмысленность. В сущности, поэзия (в моём случае) и есть поиски связей мира и обозначений вещей (то есть смыслов), составляющих его.

2) способ примирения со своим пребыванием здесь, то есть обозначение смысла присутствия меня.

Мои реплики из сетевых диалогов:

Наука тоже форма религии, поскольку берет за аксиому возможность познания всего мира, а религия, в значении вера, берёт за аксиому познаваемость творения и непознаваемость и недоказуемость творца, поскольку тот находится за пределами своего творения. (...)

Догматика или аксиоматика присутствует в начале любого из методов познания мира – и научного, и религиозного, но надо понимать что наука утверждает отсутствие Бога, но не может этого доказать, а религия вполне может вместить в себя науку, поскольку последняя в ни в чём, кроме вопроса существования или несуществования Творца, ей не противоречит = в этом смысле религия шире науки (...)

Наука занимается сотворённым, религия занимается творцом, То есть тем, кто создал эти предметы для науки. Кстати, по этой причине, математика не может вырастать сама из себя, а вырастает из определенных заданных этим миром условий, равно как и мои логические упражнения основываются на условиях этого познаваемого мира, то есть определенной суммы допущений, как со стороны демиурга так и со стороны субъекта (в данном случае меня). (...)

Любая логика наук принадлежит и изучает то, что находится где-то здесь (в этом мире, реальности, книге), то есть они ограничены пределами мира (условно говоря оболочкой продолжающего большого взрыва) (...)

1) Бог есть, то есть это не вопрос (вопрос – есть ли мы?)

2) Вера/религия решает иной вопрос – возможно ли субъекту приблизиться к Нему (опознать/распознать его), учитывая, что Бог находится за пределами событий. (...)

Верить можно осмысленно – понимая почему ты веришь (то есть с открытыми глазами) и в этом разум вполне помогает, а можно слепо. Мне больше по нраву первый вариант. (...)

13/07/2016

Вот немного поговорили о поэзии:

Проблема современной поэзии (а если точнее наша проблема) в том, что мы перестали заниматься собственно поэзией, а живём всякой околпоэтической хернёй. (...)

Тусовки и прочая напоминают акты каннибализма. (...)

Я говорю не о поэзии, а про наши взаимоотношения с ней, когда она становится сопутствующим пейзажем и поводом, а не тем, что она есть (естественно в моём понимании) (...)

Цель поэзии в поэзии, а цель херни в том, чтобы всё вокруг сделать хернёй. Поясняю на пальцах: есть поэзия, а есть мероприятия и действия для её популяризации, и вот когда действия становятся

выше собственно поэзии – поэзия оставляет пустое место, а действия вокруг него продолжают. (...)

Я не о формах, а про то какое значение некоторые мы придаём всему сопутствующему социальному реквизиту вокруг поэзии, забывая, что в сущности это фекалии от основного процесса (...) регулярно наблюдаю преобладание фекалий над поэзией и её внутренними смыслами – всё же основная цель поэзии не в том, чтобы облегчиться, а в том, чтобы вкусить.

17/07/2016

Мировое противостояние не в области экономики или политики, а в области морали (и того, что каждая из сторон считает моральным). В основе лежит мораль, а далее её проекции – в экономику, политику, культуру и так далее. Сравнить подход к «деньги в рост» у авраамических цивилизаций и протестантских или латинянских. (...)

Политика, в принципе, только лишь игра, попытка увлечь нас ей – по сути лишь способ создания ещё одного инструмента для манипуляции нами. Представляется, что если бы её вдруг не стало – мы бы этого и не заметили иначе, как некоторое облегчение от внешнего давления.

1/08/2016

Суть пятничной лекции Данилы Давыдова: региональная литературная идентичность в настоящий момент заменена стилевой идентичностью. Имеет смысл зафиксировать, чтобы следовать далее

5/08/2016

Несколько необязательных мыслей сегодняшнего дня без всякого повода:

1) разговор о какой-либо литературной карьере (именно, как карьере) бессмыслен, поскольку лишён предмета

2) наши публикации важны нам, как подтверждение нашего существования, только некоторое время

3) это время – время взросления (по крупному счёту, литературного пубертата) – так мы пробуем первую сигарету, выпиваем первую рюмку

4) если в дальнейшем, эта самая «рюмка» всё ещё является необходимой для подтверждения нашей состоятельности, то это болезненное состояние называет алкоголизмом

5) путь, как возможность совершения себя, возможен не в результате контакта с социумом или включения в некую пресловутую иерархию, а только в результате взаимоизменения языка и его носителя/транслятора

6) все прочее это побрякушки, которые можно носить, а можно и не носить – при любом раскладе носиться с ними, как минимум, глупо

7) фиксация литературного процесса в любых информационных носителях интернета (ЖЗ, Читальный зал, Мегалит) – это лишь субъективное отражение того, что представляется рабочему персоналу этих носителей, близким им, то есть опять же имеет отношение к литературе такое же, как атом к телу человека

8) потому, имеет значение не то, что литературные институты думают о нас, а то, что мы думаем сами о своем отношении именно к ней /литературе/. Не более и не менее.

9) К чему это я? К тому, что наше счастье писать (а это именно внутреннее счастье) состоит не во внешней карьере (признании некой мифической иерархии), а в самопризнании. Этого человеку должно быть достаточно.

10) это ощущение счастья пришло ко мне летом 2013 года – с тех пор мне хорошо, а писать легко – хотя, допускаю, написанное мной и никому не нужно. Но меня это не колышет. Это нужно мне. Вот и всё.

11/08/2016

Мне больше грация безоценочная, но резервационная: мои стихи, не мои стихи. При этом мои стихи – это в том числе те, которые я бы хотел написать, но меня опередили.

Кстати во многом это относится и к серии «Только для своих»

15/08/2016

А еще уже недели полторы думаю, как же меня утомила психопатология, как культивируемая стилистика литературного поведения.

18/08/2016

Из опыта: большая семья не бывает бедной (если она семья).

22/08/2016

Пришло приглашение на фестиваль памяти одного недавно (относительно) умершего поэта, а через некоторое время пришла такая мыслишка в голову: всё-таки мы людоеды. нам необходима смерть того или иного нашего коллеги для мифологизации места его обитания, а заодно и нас, мифологизация его жизни – для того, чтобы рассказать, что он и с нами сживал, пьянствовал и прочее. Нам необходима его смерть, чтобы функционеры выдали нам деньги на некий прожект под его имя. Нам не нужен этот коллега живым – он нам необходим, как ритуальный труп. При жизни он был нам противником, конкурентом и прочее – после смерти – из его бедренной кости мы смастерим костыль, который нам поможет сделать ещё несколько шагов к такой постыдной штуке, как слава – от слова «слыть». А при жизни ему, коллеге, возможно и нужно-то было всего-навсего чтобы его любили, то есть я возвратился к своей любимой фразе: любить нужно живых, им это важнее, вот мертвецы нас умеют любить (некоторые. которые остаются). Записка насуп и ни о чём, и ни зачем. Так-то.

Чтобы после не повторяться – записи которые я делаю в первую очередь соотношу с собой и «лечу» ими себя – поэтому в отношении меня эти слова справедливы, а остальные пусть решают сами для себя и за себя. Моё дело проговорить это себе.

24/08/2016

Есть очень и очень большие различия у атеистов и теистов в оценке тех или иных происшествий именно с точки зрения морали и этичности, что неудивительно, поскольку одни верят, что Бог (высший суд)

есть, а другие верят, что Бога (высшего суда) нет. Отсюда вероятно и разность наших подходов к тем или иным ситуациям

25/08/2016

Надо понимать, что доказать присутствие или отсутствие Бога невозможно, поскольку – согласно авраамическим религиям – Творец не включён в состав своего творения, то есть находится за пределами написанной им книги – и потому любое доказательство его не-присутствия в нашей вселенной является лишь доказательством авраамической концепции Бога. От того теисты и не пытаются доказать, что атеисты не правы, а просто веруют.

Думаю о алкоголе и разности наших отношений с ним – для одних он – ринг, для вторых – шоу, а вот для меня – дерево в саду, под которым уютно сидеть и говорить. Вероятно, это уже возрастные необратимые изменения.

26/08/2016

Подумалось: если поэзия не ощущается вами спорадически, как проклятие, то это не ваше занятие. Бросайте.

Почему проклятие? От благословения отказаться можно, а от проклятия нет (хотя такая оценка не отменяет конечного кайфа).

27/08/2016

Что я не люблю в стихотворениях Виталия Кальпиди.

1) несконцентрированность – бесконечная порой длина при возможности всё свести к 3-4 катренам, но автор столь упоён движением стиха, что не обрубаёт у многоножки лишние ноги (а надо бы)

2) самокомментирование внутри текстового блока (исключение – «Мерцание») = все эти отсылки к Фасмеру, Зализняку и прочая.

3) страх автора оказаться столь же сентиментальным, насколько он есть в жизни (некорректное с моей стороны замечание, связанное с возможностью наблюдать ВК вблизи и без стихотворений)

4) следует из 3 пункта – деланный цинизм (кстати именно на его гормонах и вырастает бесконечная длина) большинства текстов.

5) недорощенные метафоры – хотя это уже особенности моей читательской оптики

6) безлюбивость поэзии – автор не любит то ли себя, то ли свою автобиографию, то ли мир, которые сформировал таким и его, и его судьбу.

Можно еще что-нибудь набросить на вентилятор, но не буду. Потому что люблю стихотворения Виталия Кальпиди. А это просто записка себе на память о том – почему я не могу его принять безусловно. Некоторые из пунктов относятся и к моему неприятию, на том или ином этапе, и моих собственных стихов.

28/08/2016

Не дай вам Бог искренне уверовать в то, что пишут о вас и ваших проектах критики и рецензенты (которые преимущественно ваши друзья и знакомые). Как говорил Преображенский «Пропал дом». Всё равно всю неприятную правду о себе знаете только вы – вот на себя и ориентируйтесь. Ну типа того.

Минотавра надо искать ближе к центру и желательнее отпустить нить Ариадны – и вот когда ты заблудишься – тогда и найдёшь его (если повезёт). Это я к тому, что любая [литературная] премия – это всё же не поиск минотавра, а выбор экспертного сообщества, в которое ты желаешь войти.

30/08/2016

Если лучше всего спрятать что-либо на виду, то можно догадаться, где расположен Бог. Мимолетная маргиналия.

1/09/2016

Заметка на полях записи Кости Комарова: филолог быть атеистом не может, поскольку «в начале было слово», а лингвист не может, поскольку была разрушена вавилонская башня и смешаны языки, а вот

литератор тоже не может, поскольку претендует (иногда) на роль демиурга, и тогда он по любому Иаков и «человеков одолевает будет». Мимолетное.

Недавно, где-то читал, что самое верное во вступлении к евангелии Иоанна на место «слова» поставить слово «смысл» – мне понравилось, поскольку именно «необходимость осмысленности всего здесь» меня в своё время сделало первым теистом из моей семьи атеистов.

3/09/2016

Из намёток для будущей длинной записи: гордыня это гордость без благодарности.

14/09/2016

Скоропостижно ответил на пару вопросов, касаемых пары «учитель-ученик». Перечитал и ответы мне понравились, потому поделился здесь, чтобы сохранить ещё на некоторое время:

1. Актуален ли для современной поэзии феномен ученичества? Что может дать учитель начинающему поэту? Может ли поэт обойтись без ученичества?

Вопрос слишком широк для меня, как существующего на периферии и поэзии и современности. Потому буду говорить только о себе и о своём. В моем понимании существует две модели ученичества: вертикальная и горизонтальная. Первая модель существует на ранней стадии развития поэта, когда для него есть некая «недостижимость» того или иного уровня поэтической практики. Вторая, когда недостижимого нет, но есть некий коллега, с которым ты готов работать на общем поле и именно его существование подразумевает возможность твоего дальнейшего развития, то есть во-втором случае – роли ученика и учителя взаимозаменяемы без особого ущерба для субъектов, вероятно от того и после перехода на вторую модель мы видим резкое ускорение поэтического движения у поэта. Иерархия уже не

сдерживает. Но первый этап так или иначе проходим мы все – хотя бы в школе у плохой учительницы литературы, или у хорошей – если повезёт.

2. Ученик: подражатель или равный? Насколько существенным может быть обратное влияние ученика на учителя?

Частично на этот вопрос я ответил в начале. Моё отношение к ученику-ученикам, как к равному, а иногда и тому, кто выше и больше, чем я – хотя бы потому, что ему предстоит пройти большую часть пути, чем мне, а иногда от того, что в него природой заложено больше звука и осмысленности, чем во мне. То есть, я так понимаю, что изначально мы показываем ученику куда бы мы хотели, чтобы он пошел, а затем – если мы мудрые педагоги – позволяем ему идти туда, куда он считает нужным. В противном случае мы получаем – качественного версификатора, рисовальщика, но не отдельную личность, не своего будущего учителя. Мне вот повезло с учеником. Пусть он один, но мне достаточно.

Прочитал заголовок «Поэт Александр Кушнер уверен, что рай есть, но ада нет» и вспомнил, что есть такое понимание, что рая сейчас не существует, поскольку он был разрушен грехопадением человека, а ада, поскольку он был разрушен снисхождением Иисуса в него, и все мы живём, ожидая последнего суда, где и будем определены либо в строители нового Иерусалима, либо в геену огненную, то есть в ничто.

15/09/2016

Прежде, чем искать новые горизонты поэзии/поэтики убедитесь, что исчерпали все ресурсы старой поэзии (поэтики) – а иначе скоро дела наши будут обстоять, как в (так и не освоенной и сваленной в кладовку) Сибирью.

21/09/2016

Состоящемуся – подтверждение его состоятельности уже не является необходимым. Состоятельность не имеет отношения к успешности, поскольку состоятельность это внутри объекта, успешность

подразумевает социум. В моем понимании – состоятельность для человека важнее в перспективе возможности его развития.

26/09/2016

На исходе второго дня думаю о том, что ФБ великолепно демонстрирует то, что человек есть существо стадное вне зависимости от того, как он себя идентифицирует, как нравственное и высокоморальное явление или свободное и раскрепощённое (кстати, подобные оппозиции представляются мне подменами). Вообще, нравственность/моральность/свобода и незакрепощённость возможны, на мой скромный, только у того, кто расположен вне стада [любого]. Это я о выставке американского фотографа если что. Маргиналия из серии «все побежали, а я остался стоять».

Порой, глядя на отдельных ревнителей православия – думаешь, что лучше бы они относились к противоположному лагерю, поскольку познания их столь глубоки, что и дна не видно – узнаю много нового для себя от них. Ну ладно, атеисты о нашей вере не обязаны ничего знать, но с какого фига мы свои домыслы о православии выдаём за собственно православие? ну, неправильно это. Входя в это здание мы должны оставить уверенность в себе и понять, что мы меньше, чем думаем о себе, и знания наши (даже о себе, не говоря уж о христианстве) ничтожны – иначе на выходе мы получаем язычество, то есть народную веру, которая собственно к христианству имеет крайне малое отношение, только если по нарядам.

1/10/2016

Есть ощущение, что ФБ существует для создания информационного повода для возможности нам хоть про что-то подумать (так-то ведь мы не думаем, поскольку не знаем про что думать):) На этой неделе таким поводом будут слова Вербицкой о Толстом, Достоевском и Библии в школьной программе. Как всегда – журналистское упрощение, неспособность перевести точно сказанное им. Лично я считаю, что «Война и мир» слишком сложен для преподавания его школьни-

кам и способен отвратить от чтения в принципе (то есть всякая книга должна быть прочитана вовремя и с любовью, в смысле с желанием). Достоевского тоже надо начинать читать не с основных его произведений. Причем таки да – для понимания написанного ФМД знание Библии необходимо – в противном случае чтение будет пустым. И – да, мне кажется, что культурный человек должен знать Книгу (причём по возможности не только авраамические книги, но и книги, лежащие в основе и других культурных моделей, которых как мы знаем довольно-таки много). Обычно же мы знаем не книги, а своё представление о том, что там написано. Например, многие считают, что первые слова Библии «В начале было Слово», а не – «] В начале сотворил Бог Небо и Землю».

Ещё раз скажу – я говорю о том, что есть некоторое количество книг, не зная которых, ты не сможешь верно понимать те культуры, которые из них развились. По этой причине – я вполне понимаю и солидарен с Вербицкой. Вот и всё.

Маргиналия «Все побежали, а я остался стоять».

4/10/2016

При просмотре очередных порций фотографий с разных, не связанных друг с другом, лит. мероприятий поймал себя на очень чётком ощущении искусственности происходящего там. Вот зачем они /лит. мероприятия/ сейчас [?], кроме как для манифестации необходимости нас [как наших текстов] хоть кому-то, да хотя бы друг другу. Между нами – лучше всего эта необходимость доказывается в пивнушке, или на скамеечке в парке (причём тексты друг друга для этого читать вообще необязательно – их можно [и нужно] читать при отсутствии автора. Вот вероятно почему я не люблю присутствовать на основной площадке того или иного лит. действа (лучше где-нибудь рядом, а еще лучше – дома). Дагеротипная маргиналия.

Прочитал в комментариях у одного из своих камрадов вот это. (Мне это очень понравилось, поскольку напомнило времена Римской империи, только мне интересно – отчего образованность, здравомыс-

лие и истовая вера не могут совмещаться в пределах одного социального субъекта?).

«Я сейчас крамолу скажу: пока образованная и здравомыслящая часть общества будет проявлять толерантность к истово верующим всех мастей, ничего кардинально не изменится! Надо называть вещи своими именами и подвергать людей, помешанных на вере (неважно, какой), всеческой дискриминации: на принимать на работу, лишить права участия в выборах, относиться к ним, как к психически неполноценным личностям!»

8/10/2016

Оглух наполовину. Оказалось, что с пустым ухом писать стихи сложнее, чем с густым (всё время проговариваю – звук диктует).

10/10/2016

Один из камрадов задался вопросом – есть ли у него друзья? Вот я предполагаю, что друзей у меня нет – есть знакомые с которыми я поддерживаю дружеские отношения, есть близкие (не только в значении -родные) с которыми я живу где-то здесь рядом, на земле, есть коллеги, которые работают в том же направлении что и я. Еще есть неидентифицированные Митя Машарыгин и Руслан Комадей. А что такое друг я не понимаю (есть у меня лёгкое ощущение фальши от этого слова – или второе дно: друг м. перестать быть другом или обратиться во врага, а вот врагов у меня нет и не надо мне их). В общем есть какая-то подмена в этом термине. Это всё что вам надо знать о моих друзьях.

Брат больше друга, поскольку с братом можно поссориться, но это не меняет степени родства, а раздружившись – друг исчезает.

15/10/2016

О поэтических поколениях. У меня понятие поколений более соотносится с «теорией струн» – то есть не является единовременным явлением, а разновременным – и тогда получится парадигма: Батюшков – Мандельштам – Аронзон – метареалисты – Андрей Поляков – Дмитрий Машарыгин (то есть вот такой стратокастер).

... нравится идея обновления слова в рамках классического внешне стихосложения – итоговая выработка энергии (а поэзия это прежде всего электрическое явление) намного больше получается при тонких настройках, чем при внешнем обновлении средств и внутреннем болоте.

...Дело безусловно в талантах и их преумножении, но для меня точки и запятые это факторы, которые позволяют быть внутренне собранным и не заниматься автописмом.

18/10/2016

Почитал тут суждение, в котором слово «пэтэушник» использовалось, как отрицательная коннотация. Как-то не по мне это кастовое мышление наличествующее у некоторой части нашей творческой интеллеготины – как показывает некоторый мой жизненный опыт – ценность человека не определяется его образованщиной и тем более умением складно балаболить. А пэтэушник – это прежде всего мастер своего дела и своих рук (хотя тоже в разной степени, как и в вашей касте). Если что, то у меня вот тоже только «фазанка» за плечами – мне достаточно, чтобы не всегда быть мудаком.

25/10/2016

Запись в Фейсбуке. Прочитал только что в ленте, как один мой камрад оценивает психический статус другого моего камрада. Ну вообще должен вам заметить, что все мы не слишком в адеквате (иначе не проводили бешеное количество человекочасов на этой ярмарке тщеславия и кажимости).

27/10/2016

Тот текст, который для автора наиболее важен и интересен, с высокой вероятностью не является таковым для потенциального читателя, что ещё раз подтверждает моё мнение о стихописании, как о сугубо-личном деле, и, как о «хобби по кройке и шитью». Что это значит? да ни фиги не значит, кроме самостояния, как наиболее точной формы нашего существования. Всё прочее свист и лайки.

А людей искусства, которые желают и свободы творчества/высказывания и, чтобы за это платило государство (суть которого функция ограничения) мне видимо уже не понять, поскольку выбор мной был сделан и уже давно, что известно знающим меня. А так-то тапёр играет то, что скажут или вылетает из салуна и живёт свободно. А позиция, которая названа мной в начале, это позиция совка и по рождению, и по сознанию.

3/11/2016

Манипуляция субъектом возможна только лишь до тех пор пока он делегирует центр своего существования чему-либо расположенному вне. Не про это ли то «Царство Божие, которое внутри нас»? Записка наспех, чтобы после развить.

Почитал реплики к записи Андрея Оболенского с одним из моих стихов. Ну что сказать – у каждого свой гелий? И это в общем-то неплохо.

5/11/2016

Страшна природа человека. Представьте: смерть всё ж здесь присутствует настоящая и полная с исчезновением навсегда. Это я к тому, что любили бы мы тогда Бога? испытывали бы благодарность к нему за наше присутствие здесь, за этот кратковременный подарок кусочка его бытия? То есть руководит нашей/моей любовью к нему и верой в него – только лишь эгоизм и страх перед исчезновением полным и безвозвратным. Вот на обучения себя любви Богу, вне зависимости от того конечен я или нет, буду жить дальше. Маргиналия о своём эгоизме для себя.

21/11/2016

О переходе человечества со стадии «культура» на стадию «цивилизация». Я не люблю цивилизацию в её нынешнем виде (и тем более не люблю сотню стихотворцев, не говоря о миллионах, которые себя оными считают) – мне по нраву больше исток символов, который

и есть культура – и больше книга, которая может пойти на обогрев или приготовление пищи, чем диск, который может сойти с ума, но не может послужить убежищем/пристанищем для человека. Но это моя субъективная (и никогда не сбывающаяся) окружность.

О войнах-болезнях-голоде, как нашем выборе. Собеседнику: Всё, что ты перечислил – следствие усложнения нами окружающего мира, что мы и именуем цивилизацией, следствие разрыва, который мы осуществляем между положенным нам местом и тем местом куда мы пытаемся допрыгнуть. Причём войны – это линейка по которой можно отмерять наш переход со стороны культуры на сторону цивилизации, то есть всё эффективнее.

О золотом веке: он миф и у каждого индивидуален по времени – как детство – одни из него выходят, а другие впадают.

28/11/2016

Вот мне кажется или и в самом деле концепция «Третьего Рима» концептуально противоречит самой идее христианства (по многим причинам)?

Разговаривая с автором одного из стихотворений и убеждая, что крайняя буквализирующая/диктаторская строчка не нужна: нет, там должно быть пространство/пустота для читателя/пауза между слов, подумал: а ведь эта пауза-пустота и совершает собственно поэзию (ну ту, что таковая в моём понимании).

Мне больше по нраву, когда говорится не то, что хотел сказать автор, а то, что хотел сказать сам текст – в этом смысле, автор – инструмент текста, а не текст – результат автора.

Пишущий стихотворение созидает связующую пустоту – если брать из науки (то это нечто близкое к тёмной материи).

30/11/2016

Я – противник авторского права в искусстве. Почему? а потому что в искусстве (с) защищает только поделки, то есть то, что возможно присвоить и при этом не быть уличённым в этом. Авторская индивиду-

альная интонация существует у очень немногих авторов – говорю это на опыте размещения материалов на «Мегалите» крайние 8 лет. Возможно, кстати, что именно наличие копирайта и есть основной фактор стагнации развития литературы – а зачем создавать что-то новое, если можно и на чужой грядке быть вполне успешным? Не знаю внятен ли я, но вот мне не страшно быть без копирайта – вспоминаю, что высшее признание – это, когда твоё начинают считать народным.

И ещё – иногда язык бывает очевидно одиноким и тогда не получается сделать его частью коллективного языка (и очень хорошо, что такое – хоть и редко – но бывает).

5/12/2016

Подумалось: стихотворение, которое не меняет человеческое в авторе, не стоит бумаги, на которой записано.

Точное стихотворение – это всегда сдвиг к выходу из лабиринта, но это не мы сдвигаем мир, который опознаём, а мы сдвигаем себя относительно некоторых своих координат в этом мире.

Стихотворение – это основное (и единственное) событие в котором существует поэт, но входя в него одним человеком – он всегда выходит другим. Естественно, что я прежде всего говорю о том, как это происходит в моём клиническом случае и о своём различии – свершило стихотворение/текст меня или нет. Именно по этим причинам – для меня важен факт последующего «неузнавания» своего текста – через некоторый /различный/ срок.

Внутреннее движение всегда больше внешнего – и это мне, кажется, правильным и наиболее живым.

Любые изменения в человеке происходят в сторону его не(бес)человечности – это правда, но изменения происходят все же в человеческой породе.

6/12/2016

Когда начинается стихотворение? не в момент же записи его? – и что завершается раньше: автор или стихотворение?

Время, безусловно, вид частной иллюзии

Человек лишь этап в росте текста. Вполне возможно, что именно необходимость проявления текста и есть причина рождения/зачатия человека.

Моменты шлифовки обработанного материала могут продолжаться крайне долго (вероятнее всего – всю жизнь, от того я и считаю, что мы пишем черновики, которые станут чистовиками только после завершения нашего пребывания здесь = иногда на поиск одной «правильной» буквы уходят десятилетия. И по сути дела, во время такого поиска текст продолжает работать над своим автором.

7/12/2016

Очень забавляет, что чтобы на твою книгу написали рецензию – надо отлавливать рецензента, зажимать его в углу и уговаривать его на сие действие. Смотрится это очень забавно со стороны и изнутри процесса, а самое главное – хорошо понимаешь фаустовскую цену таким рецензиям. Ровно столько, сколько мы стоим.

8/12/2016

Вообще, в последнее время, у меня есть определённая сумма равнодушия, то есть существует определённая референтная группа оценка которой мне важна, а остальные остаются за кадром возможности какого-либо влияния на меня, как сумму движения, но порой разговор с ними «не из группы» сдвигает мысли в необходимом для меня направлении, за что я – конечно, им благодарен. Просто себя приучил внутренне не реагировать на эти споры – так незаметно падает свет и делает точным освещение пути.

10/12/2016

Из внезапно всплывшего сейчас (стишок пишу): тварью в авраамической традиции именуется всё, что сотворено – а последним был, сотворён, как мы помним, человек – имеет смысл про это помнить, когда мы кого-то именуем последней тварью, поскольку получается, что это не негативная коннотация, а просто констатация реального положения

вещей относительно каждого из нас. Кстати, после этого еще и совсем иначе и цельнее звучит евангельская фраза о последних, которые станут первыми, и о первых (которые, как мы помним, были ангелы).

12/12/2016

Что-то вылетело забавное (зафиксирую на время отдельно): мира и собеседника нет, но есть фильм, который мы крутим для себя, чтобы что-то понять о лучах между проектором и экраном.

14/12/2016

Прошу, конечно, прощения – но у тех, кто придумал название «Венец» для литературной премии определённно в наличии какие то проблемы с русским слухом и вкусом (в том числе фонетически) – венец, веничек, полный пушной зверёк (ну забавно – что тут скажешь?)

Не уверен, что сейчас буду точен в терминологии, но ... на глаза мне попала статья про одного человека, которого именуют (или он самоминируется), как «православного активиста». Скажу, что на мой взгляд в данном случае это оксюморон. То есть я могу принять эти два слова «православный» и «активист», только в отношении монашества или ещё точнее тех, кто устремляет себя в сторону Бога через молитву и доброе дело, а не через судебные тяжбы и общественные акции, которые всё же обращены к Кесарю или, точнее, земной иерархии. Это всё, что я думаю о «православных активистах» на данный момент.

Ещё думаю, что эти «не свои» путают православие и себя, а православие это не только, кто сейчас живы биологически, а все, кто были до нас и будут после нас – то есть много-много больше, чем мы и это красиво, как минимум.

О конце времён: любой момент времени – это его окончание, то есть точка нашего соприкосновения с вечностью.

16/12/2016

Из переписки (решил зафиксировать эти формулировки отдельно и для себя): пойми никто не виноват (автоцитата) – я вот вообще в

игноре у вас, у уральцев, с этим жить нормально, если 1) понять, что литература не имеет географии 2) читатели и тусовка, в которой мы все обретаемся, это абсолютно разные вещи, как длинное и зеленое 3) понять, что сделанное тобой, сделано не для кого-то, а для себя самого и только – и этому есть только один свидетель (ну ты знаешь, вероятно, кто это).

О читателе: хорошо, что есть тот, кто засвидетельствует факт распятия автора на кресте его текста, но полагаю, что факт спасения был бы вне зависимости от того записали бы его апостолы или нет, и были бы они вообще или нет.

17/12/2016

А вот интересно: в какой момент литератор перестаёт заниматься продвижением себя в литературе и начинает заниматься собственно литературой? (т.е. когда не он делает текст и карьере текста, а текст делает автора). Каковы мотивы этого сдвига, который все таки по своей природе сейчас скорее артефакт – но прежде был, как мне кажется, более важен.

18/12/2016

В продолжение предыдущей частной записи о авторе и тексте: когда тяжесть труда становится счастьем труда – возвращение к заповедям Адама при сотворении. А что? мне нравится такой ответ.

Поэзия – это прежде всего ошеломительные лакуны.

О самопрезентации себя в публичном пространстве: публикация для отстранения, как реактивное движение у спрутов и осьминогов – создание точки опоры для отталкивания (при всем при этом даже то, что у меня зафиксировано – считаю черновиками). Других публикую, потому что считаю, что человеку надо дарить любовь свою непосредственно, а любовь это поступок, а не слова. А вот читать на публике не люблю – просто не люблю. И с людьми больше, чем один на один, фи-

зически мне больно общаться, но это моя социопатия – ничего с этой частью организма, вероятно, мне уже не сделать – как и с курением.

19/12/2016

Вот подумал, что я вообще человек счастливый – для меня весь мир одновременно есть и нет, а реален только сад за окном, не считая тех, кто в доме.

Завершил обзор для одного из конкурсов, где пришлось отсудить. Решил привести фрагменты его, поскольку большая часть обзора внесубъектна, но равноприменима и в других обстоятельствах:

Для меня поэтическая речь больше и объёмнее собственно стихотворческого искусства, поскольку первая есть метод опознавания/наименования мира/космоса, а второе ремесло по созданию артефактов.

Поясню со всей фундаменталисткой прямоотой. Я полагаю, что человек необходим источнику (можно назвать его Богом, можно назвать Космосом – но при любом раскладе это причина всего, что вокруг нас) для распознавания или ещё точнее собственно создания этого мира, то есть произнесённая нами речь и есть всё, что вокруг нас. То есть – Бог/Космос (что лично для меня не одно и то же) это кинопроектор, человек это лучи от кинопроектора, мир который мы видим и называем – это голая стена, на которой источник создаёт изображения – всё, что есть.

Вот, исходя из этой довольно-таки простой картины бытия, я и решил в итоге подойти к данному мне массиву называния (стихотворений).

Большинство стихотворений оставило для меня мало места – то есть я понимал, что мне хотел сказать автор, но автор действовал излишне тоталитарно и не впускал меня в сотворчество смыслов, созданной им картинке – отчего в какой-то момент хотелось встать и покинуть кинозал – а надо понимать, что каждый из нас свободен выйти и задача автора в том, чтобы этого побуждения у зрителя не возникло, и неважно каким способом это достигается, можно и тем же, что «Война престолов», но это крайне важно.

Назовём этот фактор «восстание против диктатуры автора».

Следующая причина касается подборок не тоталитарных, но тех в которых в какой-то момент исчезала вовлечённость в текст – то есть в тот или иной момент в картинке возникает сбой. С чем он может быть связан? И с тем, что зритель предугадывает уже финал, то есть понимает структуру/чертёж предложенного объекта. А читатель (любой – и искушённый и неискушённый) – это ребёнок, который смотрит пока интересно и уходит, если ему становится скучно. В данной моей сентенции нет отрицательной коннотации, поскольку каждый из нас любит своё, исходя из своего культурного, интеллектуального, душевного багажа, и – что для меня бесспорно – этим и определяет то, что впускает в свой мир (как бы он не манифестировал свою беспристрастность, которой у человека нет по определению – и только за счёт нашей взаимной не-теплохладности мир ещё существует).

Назовём этот фактор «субъективное восстание против скуки текста».

И последний фактор – убедительность картины на стене. Это тоже субъективно, но регулярно за время чтения, появлялось желание сказать «не верю» – разбирать мотивы этой реплики я не вижу большого смысла, поскольку в них слишком много личного, то есть так или иначе каждый из нас пытается наложить свою матрицу мира на матрицу, которую нам предлагают – и если они совпадают (если услышал то, что ожидал, или то, что не ожидал, но «своё») – то артефакт или – ещё точнее – поэтическая речь отправляются в личную культурную копилку. Хороший («свой») текст всегда должен быть сворован, присвоен и сделан частью тебя. В этом я убеждён.

К предыдущей записи: артефакт это то, что может быть и потому есть, а поэтическая речь – это чудо, которого не может быть, и потому оно есть.

21/12/2016

На одной из площадок пришлось разъяснять одно из своих недавних стихотворений. Вот и здесь размещу, чтобы не потерялось:

Я так понимаю, что буду невероятно краток.

1) Орфей и Гамлет – это разные архетипы, то есть Гамлет – это та двойственность и рефлексия, что характеризуют нас здесь, в земной жиз-

ни. Орфей – это отсутствие этой разорванности, сплошная линия движения, без оглядки (хотя, как мы помним, чем ближе Орфей становился к выходу обратно, в земное – тем более в нем вновь проявлялась двойственность и желание оглянуться и утопить свою Офелию /Эвридику/.

2) Итак, человек, вступая на новый путь через смерть и к новой жизни, обретает своего Орфея на незнакомом пути, где, собственно человеческие координаты, которые наше мышление создаёт для удобства ориентации в привычных условиях, отсутствуют: и потому могут быть равноценны «право-лево», «лево-горячо», «горячо-холодно» и так далее – всё, что остаётся от нас это голос, внутренняя песня, где слово – исходя из тринитарного определения – Бог-сын, который и даст нам новое тело на суде.

3) Из сказанного выше контекста, м. распознать в городе Новый Иерусалим, который будет населён, который ожидает своего жителя/жителей. По сути своей немота прозрачная – это и есть Бог, в которого входит, возрождаясь, человек. Задача человека наполнить/исполнить Бога. Город становится городом – только если в нём начинают жить, в противном случае – это руины.

4) Момент смерти, которой нет – это и есть момент опоминания нашего от нашего гуления, которое мы некоторое время полагаем архиважным и проч., рожок – это рожок пастыря (явная аллюзия на евангелические мотивы). Кстати, полагаю, что человек умирает, начинает свой путь в Новый Иерусалим, в момент когда понимает, что есть суд превыше нас. Сам момент этого осознания и есть момент обращения человека в Орфея, спускающегося/поднимающегося в свой персональный суд/Аид. Но по сути своей, когда наша сущность осознаёт, что любой суд – это прежде всего возвращение в свой дом, ей уже нет ужаса, как не было ужаса у блудного сына, возвращающегося домой.

Это по содержанию – теперь о слове «как». У автора просто обязан наступать момент, когда он не обращает внимания на подобные ученические огрехи, которые по крупному счёту и не являются огрехами автора, но скорее огрехами читательского сознания – для меня нет ни чрезмерности, ни неуместности этого слова в данном тексте

– напротив такие забытые там или здесь шурупчики – показывают естественность поэтической речи и её правильную неориентированность на читателя, поскольку разговор ведёшь в таком тексте-молитве только сам с собой и о риторике можно прекрасно забыть, как и о правильности речи, которая – кстати – абсолютно точна, только при условии своей внешней сбивчивости.

*

*Ты, Гамлет, назови себя Орфей,
ступай направо или тоже влево,
и пой, как в механизме соловей,
закручивая слово в сгусток тела.
Стоит как ангел город твой немой,
и немота прозрачная, как воздух
превыше нас – особенно весной,
когда не вечна. Если же, опомнясь,
расслышишь ты рожок, что издали
нас призывает из гулений наших,
иди на суд, теперь один иди,
всё вспомнив, отчего теперь не страшно.*

21/12/2016

Поэт – не услуга читателя и пишет не для читателя, а чтобы что-то понять о себе. Поэзия – это не сад с гуриями, но чаще с фуриями, которые заставляют человека начинать движение. Если читатели есть это хорошо, если их много хорошо, если их мало – то ещё лучше, поскольку не позволяет вам сбить свою оптику и тропу – а соблазн такой бывает у всякого. Ну и я не думаю, что я пишу сложно, поскольку стихи мои не выходят за рамки моего знания о мире, культуре, знаках и прочего, что принято называть личным человеческим багажом.

Многие исходят из того, что автор каким-либо образом привязан к читательскому восприятию, но это не так, даже скорее наоборот это читатель пытается привязать и навязать автору своё восприятие. Правомочность этих попыток для меня лично под большим вопросом

по многим причинам – одна из которых это то, что существование читателя не является системообразующим фактором для текста, то есть я не вижу никакого снобизма в той формулировке, что вы привели, как аргумент. И автор, и читатель – существа абсолютно равные, и абсолютно-свободные, но каждый в своей функции.

Разговаривая с другими – мы всё равно разговариваем с собой. И если мы принимаем такое положение, то двойственность/разлом мира исчезает.

22/12/2016

Скажу, что Аркадий Драгомощенко – поэт, чья оптика мне не близка и чужда, но поэт – а вот в том поэты ли многие самозванные наследники его поэтики – для меня сомнительно, поскольку за АД стоял особый взгляд, а за последователями методология. Первое делает поэта, а второе – работника конвейера имитации смыслов. Это всё же, на мой мракобесный взгляд, вещи разные.

25/12/2016

Из Достоевского: «Отцы и учителя, мысля: «Что есть ад?» Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить». Раз, в бесконечном бытии, не измеримом ни временем, ни пространством, дана была некоему духовному существу, появлением его на земле, способность сказать себе: «Я есмь, и я люблю». Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным»

На этом пожалуй год – мой завершён. Следуем дальше.

Надежда Лысанова /Челябинск/

Первая встреча

Дорога уходит в густые леса,
В далёкие горы, сомкнув небеса,
Спустившись в глухие, сырые овраги,
Из сумрака прыгает с блеском от влаги.
Въезжаю я в город, который уж знаю,
В расстёгнутый ворот его я вступаю:
Автобус оставил меня у вокзала -
В раздумье я двадцать минут простояла.
Я знала на карте исходную точку -
И видела небо, окраину, лодку...
Я знала, где пруд и загадочный остров...
В Кыштым же попасть мне сегодня непросто!
Маршрут мой лежит в неизвестный лесхоз,
А мне больше нравится город. И мост.
По улицам тихим хотелось пройти
И всё разузнать. Да на карте найти.
Лесхоз, как в далёкие годы - хрущёвские -
Подчёркивал крышами старыми хлёсткие
Моменты тупой перестройки и ломки -
Никто не подкинул под ноги соломки.
Остались в нём люди с закалкой к невзгодам
И лес среди гор с зелёной свободой.

И я обещала Кыштыму вернуться,
Увидеть его в красоте изумрудной,
Залитым росой под ласковым солнцем,
С водой малахитовой в каждом оконце.

2005

На Бажовке

Вновь город меня прихватил рукавами.
Лечу я дорогой знакомой. Встречай уж!
Меня, прехорошую, милую Надю.
Стихи почитаю. Меня не отвадишь!

Бажовская тема меня приманила,
Своим разноцветьем сполна окружила.
И, слушая песни, плыла в облаках,
Купалась я в летних зелёных лесах.

А город - всё мимо. Мелькнул и исчез,
Во мне зарождаю опять интерес.
Пока я витала от счастья вверху,
Он ждал терпеливо на месте. Внизу.

Весь день, словно час, прогудел и растаял.
И вот уж домой я себя возвращаю.
Мне кажется я побывала в раю,
Ведь песни народные в сердце везу!

Кыштым, дорогой мой, тебя я узнала,
Однако Бажовка меня отвлекала.
Тебе же я шлю свой горячий привет.
Жди. Снова вернусь через год - пару лет.

2011

Кыштым

И вот он - красавец! Открыл мне объятья!
Дома в нём - как старшие, младшие братья,
Похожи глубокими, мудрыми взглядами
И крышами-чёлками, с прилипшими прядями.

Зелёный и яркий, старинный и новый,
Наполненный доверху и будто бы полный:

То звонко гудит, то лишь эхом зовёт.
В нём гордый народец тихо живёт.
По улицам летним шустрит ветерок
И пылью кружится у чьих-то ворот.

Колодец, как цапля, блестит холодея,
Водича хрусталист у «ног» воробья.

Церквей купола золотят небосвод,
И падает отсвет от них в омут вод,

А жаркое солнце разводит лучами
Златое свечение, словно руками.

Кругом, будто стражи, зелёные горы,
Кругом, словно море, чешуйчато шторы

Раздвинуты всюду цветочных полян.
Здесь древних богов загадочный стан.

И в чаше цветов утопает Кыштым,
Над ним краски неба - волнистая синь!

2012

Янис Грантс /Челябинск/

Кыштым

на третьи сутки от покрова
взошёл Кыштым большеголовый –

с фингалом, с рытвиной щербатой
и с клювом плоским, как лопата.

не надо быть семи извилин,
чтоб догадаться: мы приплыли.

в промозглой тьме, в слюнявом солнце
никтони́что к нам не вернётся –

не будет немцев и кина.
одна луна.
луным-луна.

Андрей Торопов /Екатеринбург/

* * *

«Где же ты, моя Сугомак?» -
Пел Мансветов нам до конца.
Мы сожгли немало бумаг
Со стихами лжемертвеца.

Чтоб разжечь негромкий костер
И сварить похлебку и чай.
На листах кыштымских озер
Лучше не пиши, а читай.

Прошлого себя самого –
Летописца собственных бед.
Это было лучше всего,
А теперь его уже нет.

Но придет Петрушкин с утра,
Крикнет сквозь палатку: «Мы здесь!»,
Я поверю в это «ура»,
Даже если грубая лесть.

Но не зря сюда приезжал
И купался здесь без трусов,
И вандалом гордым сжигал
Не мосты, листочки стихов.

И, усилив собственный стих,
Побожусь, что мы будем жить,
И вернемся в рим для своих,
Прихватить, что плохо лежит.

Сергей Ивкин /Екатеринбург/

Кыштымская молитва

осторожней:
тоска дорожная,
конь стреноженный,
хлеб острожный...

сделай, Боже, не то,
что
мне,
Тебе –
то что

карта, градусы широты,
долготы –
между Польшею и Китаем
я – не то,
что
я есть.
Только
Ты –
то,
куда я

Кыштым

Наташе Косолаповой-Петрушкиной

Горный северный край. Ветер по умолчанию – южный.
Итальянская зелень в июле груба и манерна.
Храмы недоразрушены, т.е. открыты наружу
самым светлым, что только осталось, наверное.

Утром надо бросаться к реке: её дамбам и сливам.
Впрочем, ты сухопутен – уважит колонка любая.
Надо всё потерять и под вечер проснуться счастливым,
женский воздух Кыштыма растянутым горлом хлеба.

Даже души на небо отсюда уводит автобус.
Не спеши до него. Что тебе до бараков хоперных?
Посмотри на закат, над болотом постой, чтобы... Чтобы
примелькались стрижи
в твоих трещинах, сколах, кавернах.

Кыштым II

Я виноват во всём и вся,
публично вслух преподнося
честолюбивый гул трубы,
обида белые столбы,
азарта похоть, чванства стыд,
тень мальчика, который ссыт,
обжорство духа, гнев добра,
где конура и кобура,
уныние держащих нимб,
приплод бликующий при них,
гордыню, зависть к бу-бу-бу

и разговор через губу.

Сугомак

Просто у нашего лета не выплачены кредиты.
Экономит, креведко, на тех, кто терпит.
Из озёрной пены не поднимается Афродита,
и не приводит замёрзших туристов в трепет.
Под такую погоду на скалах не пьётся водка,
не звенит гитара, и не трясут мудями
пустоглазые мальчики, гении-самородки,
говорящие о Новалисе и Хайяме.

Засыпаю в палатке, один, под бубнящий дождик.
Просыпаюсь – читают всю ту же повесть.
До воды спускаюсь умыться, может
поутру у лета проснётся совесть.
Над водой разъевшийся зверь тумана
на комарьих ножках стоит, качаясь.

Собираются лисы самообмана
и стучат зубами о кружки с чаем.

Маргарита Ерёменко /Касли - Озёрск/

* * *

Был редкий день, когда открыв глаза,
Смотреть на землю легче, чем на небо,
Когда украдкой снегопад сползал
С высот под ноги. И просила хлеба

Холодная дрожащая рука
На паперти. Не чувствуя разбега
Толпа щедра воскресная, легка...
Замрет в ладонях смуглой каплей снега.

Прозрачные прохожие плывут
В напевах о тепле и урожае...
И только дворники соображают.
Как будет тесно, если снег сожгут.

* * *

...обернувшись сглатываешь сушу
и на зубах песок
так время резко вывернет наружу
за локоток
так кромки медленно касаясь
береговой
ладонью прирастаешь к краю
и - над водой.

* * *

печальные после любви
навекы стоят на балконе
как Спасы стоят на крови
как воры в законе
балканку в руках теребя
босые морозят ноги
вздыхают как люди в себя
и плачут как боги.

* * *

Подморозило. Стало ясно -
от нее никуда не деться.
Это кажется, что напрасно
подморозило мое сердце.
Словно бы не случилось лета...
Хоть за тридцать, а нет науки:
мне бы только раз в пятилетку
видеть губы его и руки,
оживать от прикосновений,
чують вспышки его посланий,
словно зверь выползть из тени
и снега как рубашки гладить...

* * *

-1-

Тебя проживать как свет,
Как снег за тупым стеклом,
Как осень, где листья не-
доходят в мой старый дом

По выцветшим адресам
Кто-то другой живет.
Шершавые голоса
Переключить. И вот-

Разуйся и пробег
По летней цветной траве.
Мне пережить тебя не-
возможно, как и тебе...

-2-

Тебя проживать как свет,
Как снег за тупым стеклом...

Мне пережить тебя не-
возможно, как старый дом
Не хочет в себя пускать
чужих. И только ветра
По комнатам раскачать
Сумеют сирень двора.
Разуйся и пробег,
Как ангели в облаках.
Осталось прожить тебя и -
Проснуться в твоих руках.

Дмитрий Машарыгин /Челябинск- Озёрск/

* * *

Маленькие сугробы в окне вагона.
Остановись, мой родненький, дай сойти здесь.
Это Кыштым: горят на снегу иконы
Только в Кыштыме.

Ты ведь не виноват, нет, не виноват ты.
Ходишь по поезду, плачешь, что нет Кыштыма,
Трогаешь проводницу за полу платья:
Мы ведь сошли там, милая, мы сошли там?

Ну и чего ты спрашиваешь - курил бы,
Плакал в окно, молчал бы, глядел мне в очи,
Гладил меня, как если бы непрерывно
Сам на иконе жегся.

Александр Клепалов

Гармонь и судьба

Константин Павлович Байборин – мой родной дядя и, между прочим – земляк кыштымского хормейстера Анатолия Ивановича Морозова, оба родом из Далматовского района Курганской области. Байборин родился (в 1909г.) в селе Новопетропавловском, Морозову в этом селе довелось работать в клубе. Константин был, как говорится, первый парень на деревне: балагур, балалаечник (балалайку изготовил сам), наяривал на русской гармошке, был мастак и спеть и выпить (но никогда не курил). Любил крестьянскую работу, вольную борьбу и на здоровье, понятно, не жаловался.

В 1934 году, закончив шофёрские курсы, перебрался семьёй в село Ново-Бурино Кунашакского района Челябинской области. А когда грянула война, уехал на своём грузовике «ЗИС 5» из Буринского совхоза прямо на фронт. Хлебнул лиха, возил не картошку, а снаряды.

В мае 1942 в Крыму войсковая группа, где служил Константин – около 18000 человек попала в окружение и фактически была брошена на командованием на произвол судьбы. Это был сущий ад. Чтобы машина не досталась врагу, Байборин облил её бензином и сжёг. Когда пытались уйти вброд через пролив, во время бомбёжки ему перебило осколком ногу в двух местах. По словам дяди Константина, если бы бомба упала чуть ближе, его бы убило. Выходит, повезло...

Но он попал в плен! Когда немцы вытаскивали документы, нашли шофёрское удостоверение: «Шофёр? О!». Увидели фотокарточку, где он с семьёй и с гармонью в руках: «Гармонь? О!» И его не тронули, хотя, как тяжелораненого могли и пристрелить. Лагерный врач – ев-

рей сделал ему операцию. Это был лагерь для раненых и слепых. Местные жители (рядом была деревня) пытались подкармливать пленных, хотя сами доедали последнюю картошку. Фашисты, случалось, принуждали пленных есть из тех горшков, которые служили «парашей». Стреляли за малейшее неповиновение, ну, и за расовую неполноценность, тот врач-еврей вряд ли сумел выжить. Три года унижений и голода, скитания по лагерям... В конце войны Байборин находился на западе Германии. Освободили его американцы. В конце концов бывшие военнопленные были перевезены на платформах домой, в Россию...

Я знаю, что судьба моего дяди типична. Любимые народом образы Василия Тёркина, шолоховского Андрея Соколова взяты из жизни. Кстати, один из героев «Судьбы человека», сын Соколова – капитан артиллерии, а у Байборина один из сыновей, Пётр, был тоже военный, капитан, только не артиллерист, а лётчик.

Константин Байборин дожил до девяноста. Ушёл, отпраздновав свой юбилей и День Победы. А гармонь его, разбитая, старенькая, перешла по наследству к племяннику. В 2005 году она побывала в добрых руках известного кыштымского гармониста и мастера Василия Антоновича Шуварина, который сумел вернуть ей первозданный внешний вид. И теперь она хранится в кыштымском городском музее.

Сергей Ивкин Манифестация вкуса

В личной беседе издатель и составитель серии книг «Только для своих» Александр Петрушкин сказал, что единственным критерием отбора авторов и текстов является его собственный вкус, других причин издавать эти стихи нет: «чем больше в этом мире будет того, что ему дорого, тем меньше места останется для того, что ему видится случайным и лишним». Таким образом для меня эти книги лишены какой-либо политики, я имею полное право говорить о них исключительно как читатель.

Наталия Черных. Четырнадцать

Можно ли, следуя за Франциском Ассизским, проповедовать цветам и птицам? Речь будет построена по другому. Потому что ищешь не человеческого внимания и понимания, а собственного прозрения. Такая речь состоит из восклицаний и одёргиваний себя, из страха зайти слишком далеко и открытив всех найденных амфор Пандоры. Именно к одинокой проповеди пришла Наталия Черных в книге «Четырнадцать». У этих стихов нет адресата, они пугают и напрягают, словно подсматриваешь то, что тебе не просто запрещено, а опасно видеть. И именно потому эта

книга требует глубокого проживания, сопереживания, осознания всего подсмотренного-подслушанного. Слух и зрение в ней крепко сплетены, вообще не встречается логических умозаключений, только снятые и напрямую брошенные на бумагу чувства.

Отсутствие оценки происходящего, констатация произошедшего через читателя доводит некоторые тексты этой книги до величественных панорам, где Босх, Брейгель, Кранах и Пикассо становятся неразделимы. От «После Освенцима» до «Купания монахинь» тянется нить существования в теле. От «Удайпура» до «Моей оды к радости» - нить существования душой. Это документальная поэзия, русские «Записки у изголовья», где изящество речи - не жест, а устройство голоса. И именно тексты о пении позволяют заглянуть за изнанку произносимого: для цветов и птиц проповедь не говорится, поётся.

*А (душа) надевает полукофтурны,
румянит лицо поверх бледной маски,
выходит, являя бельканто.*

Унизительно. Проклято и вождельно.

*Как единственно верное слово,
как матери слово.*

(Итальянская опера в пейзаже)

Александр Петрушкин. Подробности

Вы никогда не видели, как впервые говорит со священником человек, долгое время от церкви отстранённый? Его речь через смущение и признательность мешает обычные слова с внезапно вырванными из глубин памяти книжными архаизмами, словно он говорит не с таким же живым человеком, а воплощением всей той ушедшей вслед за Китежем культуры, которая только для говорящего в данный мирединариво всплыла, и в эту встречу необходимо вдохнуть всё собранное-постигнутое. Возможно, вы сами так говорили. Упрямо, последовательно, убеждённо, и совершенно невыносимо для слушающих со стороны. При такой речи вашим собеседником должна допускаться презумпция осмысленности, без неё диалогу никогда не состояться. Поэзия Александра Петрушкина исповедальна, но он рассказывает не о грехе, а о чуде, о невыносимости жить с этим знанием, о необратимости такой жизни.

*Есть три молитвы у меня:
одна из них, как гроздь – вина,
вторая – где благодарю
за данный стыд мне и вину,
и третья – радостна, как горе,
невероятная, как смерть,
звонит ключом твоих присутствий
и отпирает неба ветвь.*

Что делает тот, кто увидел нечто, идущее вразрез с общепринятым? Он собирает свидетельства у других, смотрит существующие термины в речи тех, кто соприкоснулся с чудом ранее его. При прохождении стихотворений Александра

Петрушкина человек, обладающий высоким уровнем начитанности, радостно узнает любимые строки из Юрия Казарина, Виталия Кальпиди, Андрея Санникова или Романа Тягунова. Но Александр не имитирует чужую речь, он при составлении карты собственного мира помечает все места, посещённые ранее теми, кого он любит и ценит. Частично именно из этой любви он и начал это смертельное, но захватывающее путешествие по ту сторону речи, где смысл не прочитывается, а срисовывается в память, чтобы впоследствии каждый, раскрывший флакон стихотворения, мог бы увидеть отдельный мираж с медленно в полумраке расстёгивающей воротник женщиной, с сидящими на берегу рыбаками, книгой греческих мифов, картинки в которой шевелятся, с зависшим в воздухе снегом и колышущимися, словно занавески, стенами домов. И ещё Александр придумал не бояться смерти, он решил, что уже мёртв, его тело несущественно, потому все истории рассказываются от лица души, которой ничего не страшно: всё уже произошло. И разговор со священником неожиданно перетекает в другой, более важный и единственный Разговор.

*так водомерка может оторваться
от отражения слепого своего
оставив лапки – только и всего.*

(Водомерка. Евгению Туренко)

Александр Павлов. Недолет

А кто сказал, что есть разница между происходящим наяву и приоблаженным? События, воспринятые рецепторами на прямую, и образы, нанесённые воспалён-

ной психикой, память запишет на нейроны одним и тем же кодом. Все наши встречи и разговоры с призраками настолько же важны, как реальные объятия и драки с живыми людьми. И последний из мопикан может говорить не только с вырезанным отрядом, а с каждой душой своего народа, обращаться к своим на родном языке, когда озадаченные бледнолицые недоумённо втыкают в пустое пространство.

*простая русская баба говорит мужу
ну сделай мне девочку
хватит уже личного состава
все равно их привезут в ящиках
на которые ни упасть
ни поплакать по-людски*

*в витебске спит
старший лейтенант алексей балабанов
родом как я и вера кузьмина с урала
в двух тапках с левой ноги алленагинзберга
и хуанарамонахименеса
и в потертых трусах кортасара
он снимает во сне кино война жмурки
брат брат-2 про уродов и людей
морфий кочегар и проч.*

(не из алленагинзберга)

мопиканском языке нет темнот и эвфемизмов, слова предельно конкретны. Просто, чтобы понимать, нужно какой-то кусок жизни прожить точно так же, с родовой честью, с птичьими перьями над головой.

*подсыхают кровь и лужи
бомж разделся до зари
духота грызет снаружи
воздух лопнувший внутри*

*половинки грязных радуг
над проезжей частью сна
бред на цветоформы падок
нами полоснув по нам*

*в швы перелицован всуе
жмет демисезонный крой
перерыв земной пасует
между первой и второй*

*разбодяжат ночь с рассветом
в дрожжи серые тона
а в бутылке с пьяным летом
далеко еще до дна*

Вадим Балабан. Нулевая палата

А кто сказал, что есть разница между тем, что действительно было, и тем, во что все поверили? И подписан документ о неразглашении. Или нет никакого документа, просто некому рассказать. Потому что нет больше живых. Никаких. Но если не говорить, то и тебя не будет. А пока разговариваешь с кем-то, то этот человек дышит, существует, слышит тебя. Вот и пишутся такие стихи – заклинания: если у тебя от них болит, то ты воскрес, начал понимать по-мопикански. На

У японцев есть понятие «моно-но аварэ», примерно переводимое «как красота увядания вещей». Стихотворения Вадима Балабана мне представляются как побитые временем предметы, части интерьеров или объекты в пейзаже, вроде треснувшего валуна у дороги. То есть ты к ним приближаешься, и у тебя начинают проявляться поверх твоей памяти некоторые диалоги, сюжеты, ощущения, до встречи с этими стихами отсутствовавшие. Например, зеркало

с осыпавшейся амальгамой в створке рас-
сохшегося шкафа бубнит шёпотом:

*каждое утро мне птица вонзает в слух
свой щебень и я просыпаюсь в двух*

*местах одноврЕменно
на скомканной простыне
вижу комнату и тебя на золотом слоне
у океана/ чёрные облака
заслоняют в зеркале двойника...
(отклонись на 10 градусов 10 лет)*

Мир умирает каждое мгновение. Мы сами умираем каждую минуту, похожие на яблоню, с которой с одинаковой периодичностью один за другим облетают листья. И так страшно от такой монотонности, что хочется сорвать все листья разом, оборвать вместе с ветками. Но что-то удерживает и, заныкав бурю поглубже, ты сидишь и считаешь: пять тысяч восьмой, пять тысяч девятый... Должен быть же какой-то противовес наблюдаемому? Да, вот эти стихи.

*а помнишь как в 16-ом году
ещё не жили но уже умели
и клёны жгли прохожих на виду
потрескивая день ему шумели*

*и чердаки с подвалами текли
по боковому зренью из природы
где собирались пыльные тюки
всех опытов накопленных за годы*

*и годы/ ты печальная на треть
и изначально в женственности смуглой
привык тебя по памяти смотреть
не покидая комнаты со стулом.*

А сейчас непосредственно по текстам. Чтобы читать Вадима, не нужно становиться Вадимом. Не нужно пытаться подключиться к его эмоции, узнавать что-либо о нём. Больше всего стихотворения Вадима Балабана напоминают комментарии к китайской «Книге перемен» или «прорицания» Нострадамуса, которые указывают определённые связи в мире. Представьте вышивку с обратной стороны, где лицевой узор выглядит серией цветных узелков. Вот такие узелки Вадим Балабан находит и записывает. Чтобы хотя бы узелки сохранились.

Изяслав Винтерман. Огонь на двоих

Каждый раз, когда на встречах с читателями меня спрашивают: «О чём ваши стихи?», у меня появляется желание снять мокасин и запустить им в зал. Вот у Изяслава Винтермана таких желаний возникнуть не может. У него всё разложено по полочкам: стихи о снеге, стихи о море, стихи о ветре, стихи о себе любимом, а всё прочее – чужие стихи, приبلудившиеся.

Когда я начал читать цикл «Снегоголо-сье», то ожидал что-то вроде поэтического «Снежного чувства Смилла», где мнерас-скажут 48 состояниях снега в мире чувств. Но, оказалось, что в мире Изяслава снег только идёт, изредка выпадает. Всё прочее, происходящее на фоне либо внутри снегопада, практически неразличимо. Стихи, которые тают сразу после прочтения.

Меня привлекло использование анжамбемана, но я считал, что разрыв строф даёт дополнительный смысл «перепрыгиванию»: разделённое границей строф слово как-бы удваивало смыслы, каждая часть получала дополнительное значение.

Оттого так сильно бьёт по ушам и глазам читателя авторская слепота-глухота:

*не важно, суша ли оно,
железная ль вода.
Из божьих дел удалено
различие, уда-
лена немалая их часть –
нет слов и сил на них.*

*Стучал в стекло, так постучать
мог только ты и ник-
то другой.*

(Я видел, как стучал в стекло)

«Ник» как интернет-псевдоним играет, а вот «уд» просто торчит.

Тем не менее чем-то Изяслав приглянулся «великому и ужасному» Александру Петрушкину? Именно в «Чужих стихах» есть один текст, который имеет право на жизнь, если его сократить до туренковского восьмистишия:

*У бабочки два лишних грамма,
судьба исчезнуть без следа.
Стряхнуть пыльцу, кардиограмма
полета – просто никуда.*

*На крыльях влажная прохлада,
в глазах усталости значки.
И не выдерживают взгляда
её широкие зрачки.
(У бабочки два лишних грамма)*

Владислав Семенцул. ТРУБКА ПОЛНОГО СНЕГА БЫСТРОГО БЕГА

Когда человек действительно талантлив, невозможно отличить, где он живёт, а где придумывается. Владислав Семенцул

талантлив невероятно, до того, что ощущается, как некие идеи управляют его жизнью поверх разума и элементарной осмысленности. Но ведь прокатывает, почему-то. И стихи написаны против всех мыслимых и немыслимых правил, а держатся, дышат.

БЕЗУПРЕЧНАЯ ВЕРА

*я верю только
в Чапаева
яблоки Антонова
и в лампочку
которая загорается над головами
собак
да будет так!*

Существовали когда-то чинари-обзируты, превращали собственные жизни в произведения искусства, вплавились маленькими звёздочками в дюраль Эпохи большой нелюбви. Очень просто принять творчество Артёма Быкова и Владислава Семенцула за неуклюжую кальку блистательной игры Александра Введенского и Даниила Хармса. Но нет. После ОБЭРИУ были и Сапгир с Холиным, и Олег Григорьев, и другие святые фрики. Сейчас эти, из УПШ. Вячеслав Бутусов пел: «Воздух выдержит только тех, кто верит в себя». Владислав, похоже, верит. Верит настолько, что способен ходить по воздуху. Во всяком случае его стихи висят в пространстве, игнорируя гравитацию всякой логики.

ПРОСТОТА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*я посмотрел женщине в глаза
она мне посмотрела в рот
лучше было бы всё наоборот*

*я посмотрел женщине в рот
она мне посмотрела в глаза
неожиданно между нами пробежала коза
ме-е-е-е-е, замекало млекопитающее
«пошу заметить!» - сказала женщина
«коза – это часть природы составляющая»
«а вы кто?»
«а вы не мы!» - ответил я
женщина меня поцеловала
и у нас образовалась семья*

Янис Грантс. Конъюнктивит

Кем только Яниса Грантса не называли (от сыночка Хармса до Уральского Тарантино), к какой только традиции не приписывали. Андрей Санников напротив отмежевал его от УПШ, сказав, что Янис мог возникнуть на любой точке Земшара, хоть в Африке, хоть на Земле принцессы Елизаветы, потому что суть этого поэта в заражении тоскующего моремана Мировой культурой, без привязки к конкретной Малой родине. И когда читаешь у Яниса самое обычное бытовое стихотворение, внезапно обнаруживаешь в нём крылато-елатинское выражение «Duralex, sedlex» (Закон суров, но это закон):

*день промок.
и ты промок,
добираясь вплавь.
закрывайся на замок.
сковородку ставь.
жарь яичницу из трёх.
кофезаваргань.
(просто дура! дура, Лёх!
дура, а не дрянь!)
ты излечишься (тик-так).
справишься (тик-так).*

*только это всё не так,
даже если так.
(тик-так)*

А когда Янис говорит о конкретном поэте, получается, что говорит обо всех поэтах сразу, об архетипе человека-ангела (рядом форточка Пастернака и птичий профиль Мандельштама):

*через форточку – надёжней,
ибо – нараспах.
там и млечный путь проложен
в нескольких местах.*

*без квитанций и таможен
сразу – за кордон.
если что, то ждёт в прихожей
кепка вверх гнездом.*

(Евгению Туренко)

Такое ощущение, что стихотворения Яниса Грантса сразу существовали в учебниках будущего, и к нам попали случайно с зазевавшимся путешественником во времени, замкнули петлю. Не верится, что эти стихи можно написать. Стихи как бы самозародились, а поэт может и не быть.

Дмитрий Машарыгин. Всё проще

В личной беседе Дмитрий Машарыгин мне сказал, что его стихи без него существовать не смогут. Они живут лишь в момент прочтения, как музыка, слетающая с пальцев гитариста. И книга – тот же диск, сохраняющий прежде всего голос. Не партитура, а непосредственное исполнение автором. Помню, что я возмущался, пытаюсь донести, что каждый читатель

иди к себе баюкай пальцы книг
а в зеркале покажет твой двойник
тебя едва вспорхнувшего из лона
там вдоль зимы летела полоса
там у синички в синих волосах
запуталась небесная солома

там выбирай из множества мерил
там за тобою фединг повторил
шершавые слова в двоичном коде
не давит на сознание цейтнот
и совесть не испорчена ценой
а больше ничего не происходит

Эдуард Учаров. Трёхколесное небо

Эдуард Учаров – поэт эпический. Если бы он прошёл Вторую Мировую, то в учебниках литературы стоял бы рядом с Симоновым и Твардовским и этот классик. Но Эдуарда поместили в раствор мелких разборок и бытовых трагедий, потому его речь каждое описываемое событие непроизвольно пытается приподнять, внести в какую-то ещё не проявившуюся мифологию, когда с родной землёй и историей человек сливается физиологически:

но как колокол бьётся в падучей –
я набатом сдираю бока
и плыву в этих отзвуках долгих,
наблюдая, как с гулом сердец
проступает над веною Волги
побелевший часовни рубец.

(Я ещё до конца не изучен)

Очень надеюсь, что Эдуард однажды сможет создать мирный эпос, построенный не на великой боли, а на бескрайней радости. Пока же самые гудящие стихи

вызываются из глубин памяти творчеством других поэтов. Эдуард – не пионер новых земель, но собеседник исследователей.

Если тёмный огонь отразится
в ступенях воды
и как медленный конь
истоптавший воронеж до дыр
захрапит на сарай перекинувшись
к крышам домов
значит грешник за рай
навсегда умирать не готов

значит крестик сдавил изнурённую
впалую грудь
значит в отклике вил не мятёж
а призывы на труд
и горит огонёк у Матрён
и задумчивых Кать
что взбирались на трон
дабы семя мужское схаркать
значит встанет герой королевич
степей и мотыг
за крестьянство горой продлевая
столыпинский стык
на фонарных столбах на голгофах
на детских плечах
кому в лоб кому в пах раздавая земную
печать
потечёт от лампад долгожданный
невольничий свет
от злодеев и падл заискрится
знакомый завет
и пройдёт шатун по сибирским
когтям-городам
разменявший версту на слова
что я вам передам

ибо это во лжи искривляет огонь времена
потому что ожив наша память
к бесчинствам смирна
и с обугленных уст у продлённого
в вечность одра
алчный Молоха хруст омывает

прямая вода
(О.М.)

Иван Клиновой.

Варкалось. Песни глокой куздры

Словестная игра в общественном мнении автоматически сносится к чему-то детскому: ребёнок постигает речь, потому имеет право её коверкать, это мило. Во взрослом состоянии мы получаем либо эхололию с шизофазией, либо кощунственное скоморошество. А между прочим, тот же Чарльз Лютвидж Доджсон был математиком и служил в церкви. Да, примеряя имя Льюиса Кэрролла, словно маску Локи, он становился иным. Но за его языковой эквилибристикой стояли совершенно реальные задачи: мы можем передать знание, когда у нас сформирован аппарат передачи. В нынешней жизни стали появляться такие оттенки и градации чувств и смыслов, на территорию которых существующий словарь не распространяется. Для этого и необходимы поэты. Потому к стихам Ивана Клинового я применял не только презумпцию осмысленности, но и презумпцию серьёзности.

Никогда, пожалуйста, не проси
Распилить Шопена и Дебюсси,
Словно лёд, на кубики. Это страшно.
Я тебе говорю, этот страх вкусив.

Не проси на капельки разделить
Ни Рене Магритта, ни С. Дали,
Потому что целое – всяко лучше,
Чем кричать «ура! мы его смогли!».

(Пиксели)

Иногда возникает чувство, что мы живём в обществе, где убеждения подменили лозунгами, люди не читают содержания, а сразу утыкаются в список тэгов и маркеров: есть на груди георгиевская ленточка – патриот, не нацепил – в комендатуру. Жёлтые шестиконечные звёзды проходили в Германии тридцатых. Поэту же необходимо жить частной (читай «честной») жизнью и всегда быть со всеми чуточку другим, создавать зазор. Поэтому что:

Вычеркнуть маракасы из этой сказки
Значит лишь согласиться и умереть.

(В обход)

Иван Клиновой решил поставить себе сумасшедшую задачу: быть только поэтом, без примесей и коннотаций. Потому для него показная игра – это единственная стратегия выживания на несуществующей территории (да, Хлебников и другие туда гуляли, но не вернулись). И теперь Иваном каждая пядь земли под следующий шаг придумывается прямо сейчас.

Це цыганицина царит-то!
Цокот цепкого цугцванга,
ЦербернарыЦукерберга...
Цвет циновки – цианид.
Цинандальничанье цирка...
Целоваться – цуицид!

(Змеед)

Андрей Дмитриев.

Орнитология воды

Ещё один представитель «частной» поэзии, Андрей Дмитриев строит свои тексты как сумбурные монологи (по структуре речи он невероятно близок Александру Петрушкину), пересказы каких-то событий (не нарративные, а суггестивные), которые ещё не успели осмыслиться, ещё дрожат на коже пылью и касаниями. Общий тон этих стихов элегический: разочарование, сожаление, наблюдение увядания.

*Весь такой осеннее-меланхоличный –
словно бутылка виски –
пропускаешь свет люстры,
булькаешь, если смотрят
на этикетку, а слышится:
«Не пейте меня слишком быстро –
хотя бы сегодня...»*

(Я ещё молодой)

Андрей пишет: «То, чем я занимаюсь – возможно, вовсе и не поэзия, но так хочется священнодействия посреди бубонной чумы...» Если Клиновой работает с языком в достаточно свободном личном пространстве, то Дмитрий-то существует внутри толпы. И любая ритмичность – есть сливание с ритмами других, с целых цехом окружающей его современной поэзии. А гуляющая аритмия Дмитриева – такая же стратегия выживания, как у Клинового, но принявшая иную форму, позволяющую сохранить себя, пусть не физически, но хотя бы идей, деталью, выдохом.

*Он говорит: ГУЛАГ был прекрасен –
как в архитектурном смысле
построения общества –*

*строгий, выстрадавший,
устремлённый вширь – так и, ясно ж,
в религиозном – сплочение нар
под одним потолком, где хочется
видеть лишь звёзды ламп,
пророчащих новые электростанции...
Он говорит, а я читаю
что-то отрешённое,
нечто иного свойства и, может стать,
способное вынести удары шомполом
по голой спине. Поэтический ветер
гоняет сухую листву.
Иду по улице всё с тем же
серпастым именем.
Вновь отказано быть
гражданином черепа, но я рискну –
прочерчу свою параллельную линию
от размазанных вспышек зачатков
какой-то памяти
до туманов над тихой и тёмной водой.
Но не будем о грустном. Лучше давайте
рассуждать, что рассвет –
всегда молодой,
и даже если в кармане растворятся
последние деньги на хлеб,
а вода загорчит, пойманная
в жадном глотке,
останется то, что не спрячешь
в казённом чехле –
капелька свежего воздуха у птички
на коготке...*

Григорий Гаврилов. Граница всего

В одном из стихотворений Григорий Гаврилов пишет, что в 25 лет он догадался, что никакого «я» нет. Григорий говорит не о человеческом, а о поэтическом я. Потому что иногда появляется ощущение, что физический человек – это такой счётчик Гейгера, который обнаруживает

разлитую или отсутствующую в воздухе поэзию. Вне поиска поэзии он становится совершенно бессмыслен, потому вновь и вновь засылает себя в заражённые зоны, чтобы быть нужным. Данная книга Григория Гаврилова – журнал таких путешествий-отчётов. Подробный дневник заражения:

*Сегодня я приехал в деревню,
здесь я вырос.
Или я вырос не здесь?
Здесь все изменилось,
куда-то депась липовая аллея,
куда-то делись дети, которыми были мы.
Здесь все изменилось.*

*Вот дядя Коля, от которого мы бегали,
которым нас пугала Ленка,
он превратился в смешного старика,
оказывается, у него синие глаза.
Дядя Коля тоже изменился.
Зачем ему синие глаза осенью?*

*Оказывается, деревня такая маленькая,
что мне тесно ходить,
поэтому я стою.*

*Здесь люди живут в таком узком мире,
что есть всего лишь 4 шага.
И все они - на месте.*

(Как я стал деревом)

Читая Гаврилова приходишь к чёткому убеждению, что автор не просто отстранился от жизни, а заглянул за её изнанку, люди для него прозрачны, все вещи не существенны, потому что весь мир – единое суфийское пламя.

*Вагон метро почти пуст.
Рядом,
на расстоянии локтя друг от друга,
сидят беременная и вор.
У него на пальцах -
золото мёртвых,
Она -
сегодня ночью говорила с ангелами.
Есть ещё кто-то.
Третий.
О котором у меня нет слов.*

Но страха за автора нет: до того, как Григорий осознал, что пишет не он, пришло понимание бессмертия идеи счётчика, где все счётчики – один.

*Во сне приходил человек без тела
И сказал:
«Дали, зари, ла».
«Дали» - это «не ищи не там»,
«Кари» - это «я скоро приду»,
«Дэль» - это «сколько времени осталось?»*

Когда журнал путешествия будет заполнен, про дальнейшую жизнь автора можно не уточнять. Или искать следующий журнал? Мне интересно читать дальше.

Книга 13. Сергей Ивкин. Голая книга

Как говорит Львёнок Черепaxe в советском мультфильме: «Не могу же я петь песню сам про себя», так и я не могу давать оценку собственной книге. Сообщу важное: у ней было два редактора, к Александру Петрушкину присоединился пермский поэт Андрей Мансветов, а я пошёл на эксперимент, позволил порезать тексты так, как сам работал с начинающими авторами, отказаться от себя состоявшегося.

Большую часть материала для несостоявшейся книги «Мне страшно, Мартин» ещё до Александра с Андреем порезала екатеринбургский поэт Екатерина Симонова. В итоге получился предельный концентрат, менее музыкальный, более зрительный. Читать его нужно шёпотом, беречь связи.

*в сумерках тепло становится цвета бумаги
библии Гутенберга*

*чтобы любить тебя
надо отказаться от человека
ждать а не желать*

*избранные места
наизусть*

Книга 14. Ольга Злотникова. Паства

Некоторые естественные вещи приходится объяснять. Например мужчинам, действительно необходимо объяснять, что чувствуют женщины. И то, что принято считать общим местом, в устах талантливой рассказчицы насыщается невероятной индивидуальностью. Поэзия Ольги Злотниковой мистична исключительно в силу подобранных ею метафор и композиционных приёмов. Говорит она о самом простом, но настолько тщательно собирая все детали и оттенки происходящего, так точно делая выводы и подчёркивая сродства, словно ей открыта глубинная истина, словно не стихи, а новую «Голубиную книгу» пишет:

*У каждого своя – не подберешься –
дозволенная мера слепоты.
Какою же змеюкою ты въеешься,
душа моя? Чего не видишь ты*

*за камнем придорожным, за вещами,
за словом, за значением вещей?
О, как же мы с тобою обнищали,
не в чем-то маловажном – вообще.
И что за слепотою? Просто страшно
раздвинуть горизонты и взглянуть,
как сердце-часовой стоит на башне,
глядит, не промелькнёт ли кто-нибудь.
Как сердцу-часовому даже выстрел
милее, чем вот эта тишина,
в которой засыпаешь слишком быстро
на все (как это страшно!)
времени.*

И при наличии большого числа точных краткостишй, максимально возможности Ольги Злотниковой раскрываются в больших вещах (на фоне которых они могут обняться с Наталией Черных, словно родные сёстры):

*Ночью река открыта звездам, днем –
облакам и птицам,
и постоянно – ветру, дождю и снегу,
вечно открыта, как дом христианский,
послушна и цельна:
держится в берегах своих,
насколько хватает сил,
выходит порой, но всегда возвращается,
даже мельчая, до последней капли река.*

*Вот, человек, средство против усталости,
за которой всегда стоит
кукловод-отчаянье,
обида и разные мелкие демоны:
зависть, жажда, гнев, гордость,
похоть и многое.
(Смотри, как река)*

Евгений Минин.

Возвращение к серебряному веку

Ольга Злотникова в стихотворении признала за каждым область его слепоты-глухоты, у меня какая-то проблема с парадоксами. Требования к ним получаются выше: если ты работаешь с иронией, то самоцелью должно быть не смешное, а то, что только через это смешное и может быть обнаружено. Какая-то потайная деталь, видимая лишь в кривое зеркальце. Потому Книгу Евгения Минина я пролистал на диком раздражении. Позже вспомнил старую истину, что пока человек плачет, его ещё можно утешить, а вот когда начинает смеяться, то близко лучше не подходить. Наверняка именно такого Минина и разглядел Александр Петрушкин, когда собирал непонятую мной книгу:

*Нас многому не учат в школе,
но объясняет бытиё,
что есть такая степень боли,
когда не чувствуешь её.*

(Она не весит ни карата)

Андрей Тавров. Снежный сол-

дат: Что делает прозу стихотворением? Ошеломление! Чудо стихотворения в неполном считывании, часть смыслов подменяется красотой дыхания, изяществом графики, утончённостью описания. Лишите текст всех формальных признаков стихотворения, но насытите его сопутствующими темнотами и красотами, чтобы погружаться в такой текст, словно в пронизанную солнцем воду, чтобы плыть в нём, следя за пузырьками, разбегающимися от твоих собственных жабр. Мой учитель Андрей Санников говорил, что хорошее сти-

хотворение меняет человека, что-то переписывает в нём. Андрей Тавров пишет свои суггестивные «вирусы для сознания» ради такой перепрошивки. И проплывая книгу насквозь, начинаешь складывать истинный смысл этих писем:

*Все ваши судьбы записал я на коже моей
изнутри золотыми чернилами. Крикну
от боли – и нет судьбы, а взамен – дру-
гая запись, про девочку злу, про короб
света. Про друга да про отца моего –
бога вашего, вами убитого, дождем, как
землей, засыпанного.*

(Лебедь)

*Лев твой внутри и снаружи, но запомни,
что внутри важнее, чем снаружи, потому
что главное мира расположено у тебя
под кожей, неважно, лев это, бабочка или
женщина – все это ты сам, и нет в час
льва двоих или троих, и нет команды или
корабля, но лев это и есть ты и женщи-
на, и ее горячее чрево, тебя рожающее
под вопли кошек и хрип Левиафана, под
смерд умершего на чердаке бродяги, чей
язык уже жрут черви, а в лифте стоит
его смердный двойник, не давая живым
забыть о том, куда идет их тело, вла-
ча за собой истошную душу. Все главное
жидется под кожей твоей.*

(Лев)

*Не соединиться людям снаружи ни у Фер-
мопил, ни под Сталинером, ни в Васи-
лии Блаженном. Только внутри – общая
подкова, сосна и тень на дороге. Внутри
– дождь над поющей рекой, там же - Пре-
стола и Начала. Иди внутрь. Телесный
огонь станет огненным телом – сия-
нием Габриэля, колечком на утином гор-
ле, а ноги станут следами, а руки касани-*

ями, а череп вмятиной на подушке. Тем, чем был изначально.

(Пастухи)

Андрей Тавров возвращает своим читателям счастье мифологического сознания, когда каждая вещь обретает обратную сторону:

Та сторона есть у голоса, ветра, яблока, слова, некоторых (о, не всех!) стихотворений. У всего живого.

(Видеть чайку)

А как только ты откроешь эту обратную сторону, так поймёшь, что с оборотной стороны все вещи связаны. Останется только попросить самого себя вспомнить пароль в духовный интернет.

Вадим Гройсман. Белый камыш

Стихи Вадима Гройсмана предельно просты и конкретны, это прямое высказывание о важных для него вещах. Он не строит своего пространства, он живёт в уже сложившейся культуре и говорит на общепринятом языке. Потому от неожиданности в первую очередь берёшься за вещи мифологические, где дымку тайны приносит твоя собственная читательская неосведомлённость.

*Только к вечеру сыростью тянет из сада
И слышнее в источнике плачет вода.
Не жена и не девушка – ночь, Ависага,
Сняв дневные одежды, приходит сюда.*

*И во мраке мужского и женского тела,
В осторожном обхвате земного тепла
Я не верю, что быстрая ночь пролетела,
Что стыдливая нежность из рук утекла.*

*Ависага, осталась мне лёгкая малость,
Я к владыке Шеола спуститься готов,
Но хочу, чтобы снова ко мне ты прижалась,
Согревая от смерти своей наготой.*

*На счастливую плоть, на тебя уповаю:
Тормози до утра, не давая заснуть
Сном, в котором одна лишь земля гробовая
Для меня обнажит безобразную грудь.*

(Ависага)

Постепенно втягиваешься в эту речь «советского переводчика» и вспоминаешь, что школа перевода выросла из гумилёвского «Цеха», а значит перед тобой горит живое пламя акмеизма, жара своего не утратившее.

*И вот, когда ты перестал болеть,
Переломил судьбу свою, как плеть,
И суету, и холодность, и горе, –
Остаток жизни превратился в море,
Которое тебе не одолеть.*

*Там, за покровом чёрных облаков,
За целью гор, за крепостью веков,
За преданностью ангельской и женской, –
Там на горе горит огонь вселенский
И звенья рассыпаются оков.*

(В конце зимы)

Нина Александрова. В норе

В Екатеринбурге есть студия художников, куда каждую субботу приглашают какого-нибудь поэта, чтобы тот полтора часа читал стихи, а за это время его будут рисовать. Но не академически, а свои впечатления от него и его стихов. Когда пришла очередь Нины Александровой, то художники неожиданно оживились: «Ваши стихи такие

зрелищные, яркие, чувственные живые. У остальных лирика мрачная, тяжёлая, холодная, а ваша дышит счастьем и нежностью». – Это потому, – ответила Нина, – что все мои стихи исключительно о Смерти.

Нина Александрова скорее пишет философско-мифологические трактаты, ужатые до формы стихотворения, чем шлейф собственной жизни. Её тексты – результат долгих духовных исканий в областях потусторонних. Даже редкая для Нины любовная лирика больше рассказывает о метафизических сквозняках, которые вызывает нестабильная человеческая привязанность, чем собственно о происходящем между людьми.

В некотором роде Нина осуществила мечту Андрея Дмитриева, потому что написала тексты для «священнодействия посреди бубонной чумы». Начни их произносить вслух и ритуал образуется сам собой.

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

бьются звери в руках
щука в моих висках

справа бобер
слева горностаи

имя твое оберег
спрячь его в кулаке

не учуют следов
мы пойдем по воде

шепчутся и кричат
ангелы у плеча

здесь бояться нельзя
не закрывай глаза

Ольга Аникина. Картография

Есть авторы, для которых существование верлибра становится спасением, потому что при всей виртуозной отделанности регулярных стихов они прежде всего рассказчики, а не певцы. Стихотворения Ольги Аникиной, написанные по всем традиционным правилам, читаются легко и остаются легковесными, со всей её болью и честностью они всё равно поднимаются из области памяти первым же ветром. А вот неудобные верлибры выпускают множество щупалец, коготков, каких-то других органов фиксации, и не отвертеться от них, возвращаешься, перечитываешь, говоришь с ними, возвращаешься снова. Как отличить хорошее стихотворение от плохого? Можно любить и помнить и плохие стихи, а вот говорить со стихами, как с живым оппонентом, это уже признак того, что у стихотворения (по Андрею Таврову) есть «та сторона», оно – живое. Не думаю, что Ольга сознательно выбирает форму подачи, скорее стихотворение приходит к ней целиком, а после только вылизывается и согревается в ладонях. Но верлибры у Ольги уверенней, удивительней.

Мои ли рука, колено,

*твои ли плечо, щека –
пучки световых волокон*

*причудливо заплелись,
образовали остов, каркас, и пока, пока
он еле висит над смыслом –
он обретает смысл,*

непрочный, недолговечный.

Пока он ещё живёт.
Окно набирает воздух
и совершает вдох,
и небо так беззащитно,

как шея или живот,
пока ещё Бог – не слово,

и слово – ещё не Бог.

Кирилл Новиков. дк строителей / и / пиво крым / и / младенец воды

Главным открытием серии для меня стал Кирилл Новиков. Маститых авторов я давно знаю и люблю, незнакомые принимались с опаской. Кирилл же шумно прошёл в комнату моей головы, повесил на гвоздь в стене куртку, рухнул в кресло, вытянул ноги и заговорил. Будто мы с ним были знакомы не один десяток лет. Я согласен с тем, что Кирилла соотносят с лианозовцами, но он пришёл к сходу не из подражания, а из сходной стратегии выживания. В этих стихах несказанного гораздо больше, чем выявленного. Они насквозь состоят из эллипсисов, из намёков и покачиваний головой, киваний. Кирилл не рассказывает, не удивляет, не самовыражается, он разламывает некоторое осознание, словно хлеб, и половину протягивает читателю. Такой поэтический Чехов, дающий тебе одну-две детали, за которыми ты сам всё допишешь, согласишься.

ХОББИ

Смотрю на неё,
спрашиваю:
«А ты, перед тем как написать
что-нибудь хорошее,
читаешь что-нибудь хорошее?»

Она смотрит на меня
с плохо скрываемым презрением
(видимо, я не первый, кто задаёт ей такой
вопрос)
и отвечает:
«А ты, когда съешь что-то вкусное,
будешь срать пирожными?»
Она всегда придумывает дурацкие сравнения.
Я не знаю, что отвечать на такие вопросы,
и говорю:
«Я тебя полюбил за слова в твоих стихах».
«Это, — говорит она, — хобби,
а на жизнь я зарабатываю тем,
что е*** за деньги».

Когда шёл от неё —
купил хлеба.

Для Кирилла верлибр — не самоцель,
просто школьные правила в таком диалоге
только мешают, тем более, когда поэзия
остаётся и без них. Думаю, Кирилл мог бы
создавать изящные музыкальные вещи, но
точность для него важнее красоты звучания.

НЕЖНОСТЬ

иногда накатывает нежность
какой-то необъяснимый трепет
и хочется ласкать тебя
комбинациями соответствующих друг другу
по смысловой нагрузке и звучанию
слов

и ты принимаешь эти слова
они, как тёплая вода из душа
и как потоки горячего воздуха
откуда-то снизу
закрывают тебя в светлую оболочку

и ты позволяешь в такие моменты
трогать тебя руками
ты просишь меня об этом
но с этим нельзя торопиться
ибо, как только я притронуся к тебе
нежность перестанет нарастать
оболочка вокруг тебя потускнеет
и слова станут такими же бесполезными
как те, что подбираются
исключительно для рифмы

Аркадий Застырец. День шестой

Не так важно, Александр Петрушкин
или сам автор собирали это маленькое
избранное, получилось оно полной про-
тивоположностью тому изящному язвительному
Дон Кихоту, которого я знаю.
«День шестой» — книга усталого мастера,
нелюдимого и обидчивого Микеланджело,
она серьёзна, хороша и печальна.
Даже когда читаешь её с монитора, бла-
знится, что белые страницы подвергаются
фотофильтру старения, а египетский
шрифт обрастает засечками, превращается
в елизаветинский. Никакой игры на
публику, одинокое говорение, понимание
всего и вся.

Прежний Дон Кихот мелькает лишь од-
нажды, на взрыве гомерической ярости,
но быстро возвращается в рамки сохране-
ния своего рыцарского достоинства. В кни-
ге нет гарцевания, автор словно бы сошёл
с коня и шагает по своей земле, говорит с
людьми просто и искренне.

Однако такой искренности не существу-
ет без документальности, потому Аркадий
Застырец плотно связывает свою речь
географией и историей Малой родины,
его конструктивистский Екатеринбург раз-
растается из нескольких строчек во все

стороны, в прошлое и будущее одномо-
ментно. Экскурсы в культуру у Аркадия
Застырца, эти сочинённые сокровища
— такой анти-эзоповский язык, который не
якобы скрывает явное, а напротив при-
влекает невидимое, используя понятные
его сверстникам и землякам имена, через
которые поэт выживает тончайшие, неза-
мечаемые связи, которых сам пугается, но
глаза не отводит.

РОДЧЕНКО И ВАРВАРА. 1932

С утра Варвара моется в тазу,
Отночевав, нагая, молодая...
А Родченко с искателем в глазу,
От всяческого голода страдая,
Её навек снимает в серебро,
Вослед недовведённому зачатью
Суёт себе бликующей печатью
Тавро под угловатое ребро.

Под чёрной тенью Родченко руки,
Из-за наклона, в сущности, безличны,
В тазу вода, колени, позвонки
Революционногелиографичны.

Но погоди! Всего лишь век иль миг
То утро неизбытое прострочит —
И, мокрая, в тазу Варвара вскочит
И схватит, хохоча, со смертью стык.

Андрей Санников. Мирись. Прощайся

На обложке книги «Мирись. Про-
щайся» написано, что в этих стихот-
ворениях важным является состояние
крайней экзальтированности и (по этой
причине) неразличение правил «хоро-
шей поэзии». В личной беседе Андрей

Санников рассказывал, что ему важно сохранять стихотворения-коробочки: несколько загибов картона, пара скрепок. Главное – жизнь, а стихи просто фиксируют важное. Начнёшь что-то улучшать – исчезнет присутствие, невероятность, картинка потускнеет.

*сказал мне врач с иглой во рту
«стоят у входа в темноту*

*у входа в эту темноту
(вон в ту)*

*12 гипсовых берёз,
у каждой остеопороз*

*ведь кто-то их же посадил
оштукатурил побелил*

*наклеил листья на клею
(тебе налить тебе налью)*

*и каждая берёза др***т»
а умиравший хохочет*

он знает воздух но не хочет

Да, - он же качает головой, - стихи выше жизни. Но ведь надо же иногда себе сказать, что ты не красуешься, ты – именно такой, каким вырос, воспитался, вытерся о стены, углы. Данная книга сложилась из намеренных стихов-нестихов, из мычания, стога, сдерживаемой брани.

*Не надо больше никаких стихов.
Ты не имеешь никакого права
безбожно и, не понимая слов,
записывать и точку ставить справа.*

*Я говорю всё это не тебе
и не себе, а собственному горю,
своейнеполучившейся судьбе.
Вот, собственно, и всё. А я не спорю.*

А размещённый под одной обложкой со стихами интернет-дневник – зеркальное отражение, «та сторона», второе лёгкое, вторая колонка для стереоэффекта. Стихи объяснять бессмысленно, но дать им необходимый эмоциональный фон – впустить читателя в собственный сад расходящихся тропов. Андрей Санников – изобретатель. Сейчас вот изобрёл стерео-книгу.

*Тащит меня и таращит, подбрасывает,
катит, как по асфальту жестяную полумятую банку предерзозым пыльным ветрищем – дождь сейчас ударит по лицам, как оспа.*

Стихи начнутся. Не хочу, не надо, отстаньте, не надо стихов! Опять! Говорят со всех сторон одновременно. Голова и голоса, голоса!

*Как будто с новой женщиной в первый раз
в постель ложишься и она хочет тебя
больше, чем ты её.*

(Понедельник. 19 июля.

Тащит меня и таращит, подбрасывает)

**Маргарита Ерёменко.
Всё осталось здесь**

Маргарита Ерёменко рассматривает любовь как абсолютно материальную субстанцию, вроде запаха или электричества. Смотрите: она пронизывает пространство города, она лучится из глаз, она обвола-

кивает меня, вот она срывается с моих пальцев, прячется в буквах и выходит той стороны напечатанной страницы, приближается к сердцу моего читателя. Любовь сразу телесная, духовная, дружеская, материнская, сестринская, всякая. Главное, как можно точнее её передать.

*...и это все: звенящий колкий воздух,
несмелых листьев плавный поворот,
в ту сторону, где слатываая воду,
из губ тончайший сладкий пар идет,*

*и замирает у лица, касаясь –
лица неровность повторяя вновь –
горячей кожи; и – уже не тая –
ложится снег на плечи как любовь.*

*И ты – огнем последней сигареты –
вдруг осветишь осенний этот лес,
и скажешь: Господи, я думал, песня спета,
а всё осталось здесь.*

Однако, Маргарита не следует путём одного из своих учителей – Андрея Санникова, при всей порой простоте форм и банальности рифм она не клеит «коробочки для сохранения смысла», в каждом её стихотворении есть изящная деталь – специальный ящичек с секретом. Найдёшь его, достанешь оттуда неожиданную жемчужину и долго будешь носить её под языком, перекатывая, повторяя.

**Андрей Мансветов.
Дюралевые ласточки**

В России невоевавших нет. Как нет несидевших. Такое ощущение, что Тюрма и Война (и третья сестра – Нищета) про-

ступают сквозь сам язык. Мы начинаем социализацию в детстве с разделения мира на своих и врагов, продолжаем жизнь в одиночных камерах съёмных квартир и всё время откладываем записки, даже духовные, потому что нищета духа (да и души) со временем начинает казаться совершенно неотвратимой. И стихи Андрея Мансветова – это те самые рассованные по миру нычки. Зачем-то собрали, принесли, сложили в книгу. Смотришь на них, уносишь с собой, перепрятать. Другого не спасло – может меня спасёт.

*Детский сад, штаны на лямках
выбирай себе кумира
Ганди, Иисус, Бердяев
доктор Айболит*

*Если в город входят танки
слушай дядю командира
двигай эту хрень на рамке
наводи и пли*

Такие стихи – не молитвы, а пайки. На чёрный день. Который хоть завтра.

**Юлия Долгановских
Латынь, латунь и катехизис**

Я очень долго пытался понять «зачем» собрана эта книга. «Зачем?» - вообще главный вопрос для любого поэта. И тогда попытался понять: а зачем пишет Юлия? И вот тут пришло понимание, что она – не пишет. Она – та, которой записывают. Её стихи – результат шахматной игры языка как такового и жизни как таковой. А сама Юлия – расчерченное поле, внутри которого переставляют людей, книги, события.

Каждая сложившаяся партия – приносит автору облегчение: на некоторое время с него сбрасывают фигуры и оставляют в покое. И у каждой шахматной доски есть мечта: сыграть партию самостоятельно, лучше, чем игроки, потому что она точно знает на ощупь каждую фигуру с другой стороны, она сроднилась со своими фигурами. И всё равно получается игра, лёгкая и не обязательная. Но щербинки, но потёртости, но родство с каждым словом. Вот для того эта книга и появилась, чтобы рассказать, как в любой игре однажды обнаруживаешь такой предмет, который реальной жизни. Как, например, каслинская фигурка, стоявшая во многих советских квартирах и исчезнувшая вместе с тем государством. Потому что сам герой перестал быть идеологически ценен.

ДОН КИХО

Чугунный Дон Кихо – игрушечная шпага, прочитанная в негнущейся руке. Прожорливое вре упорно, шаг за шагом, глотает скрип каре и стрёкот кастанье.

Какой анжамбема! Бравурная Ла-Манча врывается, как смерч, в суровые Касли! Холодного плеча коснусь –

а был ли мальчик?

Ответов нет, а ло... а лошади всё шли

по берегу реки, переставляли ноги, неспешно погружа в стареющий песок. Мой бедный Росина!

Ты был одним из многих, и тень твою грустит среди притихших строк.

*...В заржавленных руках болит копьё
Лонгина,
на острие копья качается Грааль.
Превозмогая вре, толкающее в спину,
чугуна каждый шаг, идёт идальго вдаль.*

Инна Домрачева. Обещайка

У педагогов часто совершенно испорчен вкус, потому что когда километрами читаешь дрянь, которую пишут студенты, или рисуют, или играют, то планку снижаешь, чтобы просто перестать на них ежесекундно орать. Или же педагог после каждого общения уходит в специальную комнату, обставленную шедеврами и принимает релаксирующую эстетическую ванну. Рядом с поэтом Инной Домрачевой я прожил большую часть жизни, мы держались друг друга, воспитывали друг друга, учили и учились друг у друга. Потому на все претензии о темноте или избыточном IQ её стихов я отвечал презрительным фырканьем, даже когда сам не понимал половины сказанного. Эта книга первая, появилась она поздно, но именно в книге ты начинаешь видеть автора цельным слоном, а не ощущать по отдельности ноги и уши. И прочитав «Обещайку», я заново пережил все двадцать лет знакомства. Стихи ничего не оправдывают, ничего не решают, всего лишь позволяют тебе дышать дальше, когда от воздуха тошнит, от мира тошнит, от себя тошнит. А потом прикладываешь к больной душе стихотворение – и она заживает. Проорался, проплакался, выпустил все эмоции, своего рода поймал и трахнул ангела – встал с четырёх на две, сохранил прямоходячесть и прямую посадку головы.

*Если не найти кого-то, кроме, —
Голубем назначат воробья.
Томас, в этом сумасшедшем доме
Вся надежда только на тебя.*

*Из чего теперь не лепят храмы,
Хорошо, когда из пустоты...
Только ты отважно и упрямо
Рвёшься в раны вкладывать персты.*

*Мало опрокинуть чашу света,
Важно мимо не пролить его.
Томас, Томас! Не даёт ответа,
И в пещере тоже никого.*

Мне невероятно повезло, что каждый раз Инна, поднимая планку претензий к самой себе, автоматически и мою переставляла на более высокий уровень. И эта книга – те самые карандашные пометки на дверном косяке. Все сразу: от нижних до нынешних.

Полина Потапова. Первые значения

Поэты – гордецы и честолюбцы, им мало любоваться в отражения собственных стихов, они любят глядеться чужие стихи и прозу. И потому те редкие самаритяне, потакающие их слабостям, пишущие парадные портреты и семейные сцены, оцениваются с повышенным ответным восторгом. Полина Потапова много говорит о других, порой даже воспринимается как такая уральская Нина Берберова (или Ирина Одоевцева), которая способна сохранить весь круг, время, историю. И потому избыточное бытописание в данной книге, срежиссированное Александром Петрушкиным, вывело её из разряда рефлексоров, сделало её

поэтический мир более аутичным, замкнутым на себе. Слово Полина перестала оглаживаться на то, как её воспримут, а заговорила о самом важном, о чём как-то не принято. Что ли... О том, с чего всё начинается: жизнь, семья, культура.

*так закрывают двери
перед носом
так говорит не верю
Станиславский
так поднимает череп
Смоктуновский
так оголяет нервы
Сталинградский*

вальс – исполняет Леонид Утёсов

*так наступает перенасыщение
так засыпают звери
лугом лес им
так обрывают вербы
в воскресенье*

*так прибывает к берегам словесным
так безнадежно первые значения*

С Полиной Потаповой произошло чудо преобразования ученика, когда он столько раз повторил чужие формулы и манеры, что осознал право быть мастером, который не копирует, а собирает у всех и строит своё с нуля, как теперь сам знает.

Руслан Комадей. Поплавок.

Руслан Комадей воспринимает поэтическую речь как нечто передаваемое по наследству, вроде дхармы у китайских

буддистов. Мало услышать со стороны, необходимо вступить в личностный контакт с носителем языковой тайны. Но тогда и его собственная авторская речь предполагает такую близость к читателю, когда читателю не нужно ничего объяснять: он либо понял и обнял тебя, либо прошёл сквозь призрак. Обилие алкоголя в стихах Комадея – не шаманское путешествие Венедикта Ерофеева с Красной площади на Лобное место, а та предельная откровенность: я из этого состою, говорю, потому что именно это и вижу, а не подразумеваю что-либо. Любой культурный контекст Руслан накалывает на происходящее с ним. Порой кажется, что весь мир сосредоточен на поверхности его кожи, а всё, что отходит в стороны – отголоски дыхания, рикошеты пульса. Но через эту смутную чувствительность и происходит смешивание себя и мира, расширения себя до размеров мира, чтобы наконец-то понять со всеми нами происходящее. Себя-то понять (кажется) проще, чем другого. Если мир – это я, если язык – это я, то с собой я разберусь. И всякий другой – это я. И ему можно не объяснять. Я пойму.

*Состригли снег с увесистых холмов,
и те оцепенели осторожно.
Всю шелуху и кожу проводов
ещё вчера погладить было можно.*

*Цела вода, а лопнули назло
колеса капель в тучных оболочках.
И мне не померещилось стекло:
я шёл в него на выгнутых носочках.*

*На коже уцелевшего лица
ни родинки, ни бельма... В небосфере*

*есть мальчик, ожидающий отца:
кота в мешке, скелета в шифоньере.*

*На запах он выходит голодать
(так ужин достаётся по наследству).
И мальчик ищет умершую мать
в покойнице, живущей по соседству.*

*Брюшные лабиринты как гробы,
рубаха оттопырена на горле.
На похороны словно по грибы,
когда глаза пускают в землю корни.*

*Соринки слёз сметаются под стол,
соседи затевают годовщину.
Как здорово, что ты меня нашёл
и сам придумал этому причину.*

Так в каждом стихотворении Руслан оглядывается на тех, кого любит, а они – родные. А они простили. Они поняли. И читателя Руслан понял.

Данила Давыдов. Нечего пенять.

Каждый из нас знает мало. Наши знания ограничены. Но каждый стремится к некоторой цельности. Отсюда естественное желание определить набор случайно приобретённых знаний некоторой достаточной позицией. И с этой позиции можно уже оценивать происходящее. Особенно чужие наборы случайно приобретённых знаний. А вот представим, что чей-то набор настолько избыточен, что он автоматически выпадает из любого «якобы разговора», поскольку ответить сам себе успевает раньше, чем дожидаться значимого ответа. И получается, что сидит человек и произносит вслух те самые результаты

тысячелетних даосских коанов, поскольку озвучивать их нет смысла, для него их содержание настолько же банально, как для нас синее небо и зелёная трава. А у коана бесконечное количество ответов. Вот он и отвечает. Снова и снова. Каждый раз на новый, но который раз на те же. И счастлив тот, кто читал первоисточники. Он способен разделить эту радость говорения поверх культуры. Говорения от отчаяния и от восторга. Горения словом. Не поняли – идите и читайте, живите, грешите, плачьте и возвращайтесь к этой книге обратно. На все вопросы можно подобрать подходящую реплику, потому что ладонь Данилы Давыдова начинает звучать в полный звук, когда ты к ней подносишь свою.

*невыносимая идея
что ты можешь что-то делать с людьми*

*держат их
обнадёживать*

Александр Клепалов

Слово о товарище

В этом году, 22 июля, исполняется 90 лет замечательному земляку, почётному гражданину Кыштыма, Виктору Владимировичу Казакову.

Любопытно, что его день рождения совпадает с днём рождения другого интереснейшего человека – выдающегося ураловеда и историка-бытописателя Владимира Павловича Бирюкова, которого называли «ходячей энциклопедией Урала» и «урало-сибирским Далем».

Наш Виктор Владимирович, подобно именитому учёному Бирюкову, вряд ли кому уступит в знании неповторимой природы родного края, истории и традиций местного населения.

Где же истоки его живого интереса к познанию нашей «Уральской Швейцарии», кто разбудил в нём азарт изыскателя?

Известно, что дед его, Николай Николаевич Казаков, по прозвищу Казачок, был горщик-самоучка, десятник (в ведении которого находилось четыре карьера на Слюдю). Это он во время посещения Кыштымского завода (в 1899 году) Дмитрием Ивановичем Менделеевым снабдил учёного образцами слюды для химических опытов. На память о дедушке остался фотоснимок 1929-30 годов, где он сидит с внучком Витей на коленях.

Виктор в малолетстве заслушивался рассказами дочери деда Анны Николаевны Казаковой о горном промысле, главном занятии их рода. А от отца перенял все приёмы старателя, когда мыли золото на речке Сугомак. Позже, когда довелось работать с геологами на Слюдоруднике (в тех же самых местах, что и его дед), он обошёл и обследовал многие потаённые уголки нашего горно-озёрного края, особенно юго-западные окрестности Кыштыма. И потому как никто другой знает чудные места бывшей демидовской вотчины - горы, леса, многочисленные водоёмы и родники.

Безусловно, многие черты характера он унаследовал от той, что его вскормила и воспитала. Мать Виктора Анна Карповна была добрейшей души человек, с простым славянским лицом. Она была белоруска, которую отец Виктора Владимировича встретил в Казахстане. Вернулся в Кыштым с молодой женой, поселились сначала на Второй Дачной (во временно пустующем доме брата Михаила), а с 1931 года - на улице Мамина-Сибиряка (в доме, построенном своими руками). В семье родилось восемь детей, все выросли достойными людьми (хотя потеряли отца, он умер в 1944 году). Один из них, Александр, приобрёл известность как директор Обувной фабрики. Любовь, сменившая фамилию на Войцеву, стала учителем физкультуры. Один из птенцов родового гнезда, Виктор, вернувшись с Севера, купил дом в районе Ближней дачи, на Ленинском проспекте (ныне - улица Валентины Сергеевой).

О нашей малой Родине Виктор Казаков рассказал в многочисленных публикациях в газете «Кыштымский рабочий». Ступив на тропу писателя, с волнением и любовью поведал землякам о своих открытиях в самиздатовской книге «Золотые россыпи Кыштыма». В одной из двух частей этого сборника автор повествует также о полюбившихся ему людях, встреченных на жизненном пути.

В дальнейшем, углубившись в старину, добравшись даже до археологии, неутомимый исследователь больше, чем кто-либо иной (после Бориса Михайловича Мещерякова), пополнил нашу краеведческую копилку. Издана его книга «Кыштым: страницы истории», которая знакомит внимательного читателя с удивительной историей Кыштымского горного округа.

А недавно прошла презентация его книги «Кыштым спортивный». Этот капитальный труд, охватывающий историю Кыштыма с 1923 года, стал для местных поклонников здорового образа жизни не просто интересным многоцветным изданием, а настоящей малой энциклопедией физической культуры, которая будет нужна даже будущим поколениям. Ведь в ней сказано очень многое не только о спорте высоких достижений, но прежде о любимом автором рабочем спорте и оздоровительных группах. И, конечно же, не забыт никто из спортсменов, прославивших наш любимый Кыштым, и их замечательных наставни-

ков-тренеров. Никто лучше Казакова пока не смог поведать о тех, для кого «спорт – это жизнь, целая жизнь, и даже немножко больше».

Виктор Владимирович изумляет окружающих многогранностью натуры, широтой интересов и живой любознательностью (тем, что называли встарь «живинкой в деле»), а также объёмом трудов для города и страны: ведь он – ветеран труда со стажем 64 года! Мало кто может этим похвастать.

Уже в 14 лет, в военное лихолетье, стал главным кормильцем семьи, заменив заболевшего туберкулёзом отца. 4 апреля 1942 года впервые шагнул в «ту заводскую проходную, что в люди вывела» его. На Механическом заводе стоял у токарного станка, на ящике – из-за малого роста, вытачивал запальные стаканы для мин. Уже тогда проявился его заводной и соревновательный дух. Был уникальный случай, когда юный стахановец выполнил сменную норму на тысячу процентов.

Тогда, на заре юности, пришлось Казакову пережить уготованное судьбой испытание: у него обнаружилось опасное заболевание лёгких, вынуждавшее обследоваться через каждые три месяца. Справиться с недугом помогли молодость, окончание войны (ушло напряжение, улучшилось питание) и здоровый спортивный режим. Он мог сказать словами поэта: «Лыжи – вот моя поликлиника, сосны – вот мои доктора!».

Желая пойти по стопам деда, поступил в Кыштымский горный техникум. Учёбу начал в родном городе, а закончил – в Асбесте, потому что при появлении «Сороковки» (нынешний Озёрск) ряд учреждений был перемещен в иные города. Так в биографии отразился послевоенный перелом в жизни края. Именно в студенческие годы сформировался бойцовский характер, были завоёваны первые спортивные призы.

По окончании в 1952 году техникума вместе с женой Анной Дмитриевной Плотноковой уехал по распределению на Дальний Север, в «Дальстрой». Не в Магадан, а чуть ближе – во владения Индигирского горно-промышленного управления (это в Оймяконском районе Якутии, с районным центром Усть-Нера, недалеко от «полюса холода»). Жили и работали на прииске «Победа». Трудились ударно: за сезон 1955 года коллектив, которым руководил Казаков, выполнил пять годовых заданий, за что он отмечен почётным знаком Министерства

цветной металлургии. Тот суровый край запомнился красотами реки Индигирки (в ста километрах, рядом по сибирским меркам), куда выезжали на лыжные соревнования.

В 1958 молодая пара возвращается на родной Урал. Оказавшись дома, Виктор три года работает в Геолого-разведочной партии № 4, где начальником был легендарный Георгий Григорьевич Китаев (известный как герой французского сопротивления, спортсмен и пчеловод).

Многие годы жизни Виктора Владимировича отданы Кыштымскому радиозаводу, где он – с самого начала. Старейшина этого предприятия советской «оборонки», он оставил добрую память у коллег как инженер и рационализатор.

Прославился как разносторонний спортсмен – лыжник, гиревик, мотогонщик, непрменный свидетель и прямой участник большинства спортивных событий в городе. Об этом может рассказывать часами, вспоминая минувшие дни и былые приключения. Например, как-то поразил приятелей тем, что на спор заехал на своём ревущем мотоцикле на самую вершину горы Сугомак. А многочисленные легкоатлетические агитпробеги и пробеги-экскурсии, начиная со знаменитого «пробега Победы» 9 мая 1975 года! О них вполне возможно подготовить отдельную книгу или фильм: ведь для многих кыштымцев, не только радиозаводчан, – это яркая страница жизни, волнующая память о счастливой поре молодости.

Даже на пенсии Виктор Владимирович не оставил любимое увлечение – народный спорт: был заведующим спортивных сооружений ДСШ ГорОНО (где директор – друг и единомышленник Иван Николаевич Бронников), выдавал лыжи на загородной базе «Спартак». Только болезнь жены заставила его уйти, как говорится, на заслуженный отдых.

Казаков, между прочим – мастер чёрно-белой фотографии, руководивший в былые времена заводским фото клубом «Кварц», и автор живописных этюдов, которые раздарил родным и друзьям. Отдал он дань также любительским киносъёмкам. Так, в соавторстве с группой кинолюбителей, был снят 20-минутный фильм «Ветераны», позволивший ему стать лауреатом областного творческого конкурса.

Помнится, также сочинял стихи-импровизации в дни спортивных праздников. (Как и местный поэт, автор сказов Юрий Киприянович

Гребеньков, однажды принявший участие в нашем пробеге). Свои поэтические этюды Виктор Владимирович собрал в сборнике «Мои негромкие стихи», только что напечатанном весной 2017 года.

А ещё наш герой - просто хороший человек, по-суворовски скромный, чуткий к людям и хлебосольный. Настоящий товарищ, надёжный. И примерный семьянин, вместе с супругой Анной, недавно ушедшей из жизни, вырастил сына и дочь. Про таких, как Виктор (а имя его означает: «победитель»), говорят: «я пошёл бы с ним в разведку!».

Современник, участник встреч клуба «Тихое зимовье». Провинциальный русский интеллигент. На таких самобытных людях и держится жизнь.

От автора: Мне довелось быть в «Клубе любителей бега» (при добровольном спортивном обществе «Спартак»), с 1980 по 1986 годы. Виктор Казаков был душой и мотором этого физкультурного движения в нашем уральском городке, я видел его в деле. Об этом – моё стихотворение тех лет:

ВИКТОРУ КАЗАКОВУ – КРАЕВЕДУ И СПОРТСМЕНУ

Люди ездят на машинах,
А он – бегаёт трусцой.
Позабыл про медицину,
На покой махнул рукой.

Край кыштымский изучает,
Он – художник, он – поэт.
Бодрость духа излучает,
Дарит нам надежды свет.

Он бежит за синей птицей,
Непоседа-человек,
И наград судьбы добился,
Потому что ЛЮБИТ БЕГ!

Ольга Большакова

ЧУДЕСА В КАРМАШКЕ

У сыночка Сашки
Сто чудес в кармашке:
Две резинки, карандашик,
Много маленьких бумажек,
Гвоздик, пуговка, крючок,
Яркий крошечный волчок,
Скрепка, кнопка, зёрнышко!
Мой сыночек – солнышко!

У БАБУШКИ В ГОСТЯХ

Согревает солнышко
Ласковым теплом.
Пьём мы чай до донышка
За большим столом.
А на белой скатерти
Зайчик озорной
Хочет, видно, в салочки
Поиграть со мной.

Вера Белова

* * *

Ослик
 упрямый,
Барашек
 кудрявый,
Корова
 рогатая,
Коза
 бородатая
Пошли погулять,
Травку щипать.

СЧИТАЕМ!

Как у Мурки-чёрной шкурки
Родились котята.
Сколько было их всего?
Считайте-ка, ребята!
Два котёнка кашу ели.
Один – с ленточкой играл.
А ещё один, пушистый,
За хозяйкой побежал.

* * *

Мы весёлые ребята,
Мы пушистые цыплята.
Можешь нас пересчитать?
Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

Татьяна Бутакова

Я – ПОЛИЦЕЙСКИЙ!

Я кыштымский полицейский!
Этим я, друзья горжусь!
Я кыштымский полицейский,
Ничего я не боюсь!
Мне дадут патронов кучку,
Пистолет, бронежилет!
Я, конечно, самый лучший
И меня храбрее нет!
Я пойду стрелять бандитов,
Как детишки говорят.
С неожиданным визитом
Посещаю всех подряд.
Догоню бандита лихо!
Нарушитель тихо-тихо
Предо мной всегда стоит,
Всё по правде говорит.
В общем, служба наша – класс!
Мы работаем – для вас!

Людмила Щелконогова

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ?

По лесной бежит тропинке
Крошка зверь с колючей спинкой.
Ножками он стучает
И как будто хрюкает.
Я поймать его хочу,
«Подожди меня!» - кричу.
И в траве рукою шарю.
Зверя нет! Нашла я шарик!
Нет ни головы, ни ножек...
Так свернулся хитрый
(ёжик!)

СЛОН

На комоде стоит слон –
Серая громада.
По ночам мне снится он,
Житель Таиланда.
Поднял хобот и трубит,
Словно что-то просит.
До далёкой стороны
Ветер рёв доносит.
Взгляд свой устремил вперёд,
К Родине желанной.
Жаль, туда не попадёт –
Он же деревянный.

АВРАЛ

Мама крикнула: «Аврал!
Суп на кухне убежал!»
Я быстрее закрыла дверь –
Он не выбежит теперь!

КОМАР

В моей комнате – кошмар!
Поселился в ней КОМАР!
Свою песенку поёт
И уснуть мне не даёт.
А когда включаю свет,
Комара как будто нет!
Полчаса искал его,
Но не вышло ничего.
Выключатель повернул
И в постель мою нырнул.
Только начал засыпать –
Слышу песенку опять!
Не осталось больше сил,
Я сестрёнку разбудил,
И до самого утра
Мы ловили комара...
А под утро он исчез.
Может, под диван залез?

АВТОРЫ НОМЕРА

Белова Вера - родилась в 1954 году, окончила Туркменский пединститут им. Ленина, работала воспитателем в детском саду и учителем начальных классов. После распада СССР живёт в Кыштыме. Стихи печатались в газете «Заводские вести» Кыштымского медэлектrolитного завода, в годовом сборнике Челябинского областного центра народного творчества. В 2010 году получила диплом Областного конкурса самодельных поэтов «Поэтическое ристалище».

Бендлин Владимир - родился в 1963 году в Кыштыме, окончил УРЮИ, работал следователем Кыштымского отдела ОВД. Публиковался в альманахе «Графоман».

Бессонова Лидия - родилась в 1947 году, закончила Челябинский политехнический институт. Работала преподавателем в Кыштымском радиомеханическом институте и специалистом по социальной работе в центре социальной помощи. Публиковалась в коллективных сборниках.

Большакова Ольга - родилась в 1961 году в Кыштыме, по профессии - педагог, работает в кыштымской Центральной библиотеке имени Е. Швейкина, стихи пишет со школьных лет, участвовала в годовом сборнике самодельных авторов Челябинского областного центра народного творчества.

Бутакова Татьяна - родилась в Кыштыме в 1969 году, окончила факультет ветеринарной медицины УГАВМ. Сотрудник полиции. Стихи публиковались в сборнике произведений номинантов национальной премии «Поэт года – 2015» и альманахе «Графоман».

Грантс Янис - родился в 1968 году во Владивостоке. Лауреат фестивалей и конкурсов: Нестолычнoй поэзии им. Виктора Толокнова и «Новый Транзит» /2006 год, Кыштым/; «Глубина» и «Прекрасен наш

союз!» /2007 год, Челябинск/. Публиковался в журналах «Знамя», «Урал», «Волга», «День и ночь», «Крещатик» и других. Лауреат Независимой поэтической премии П /2008/, премии города Челябинска в области культуры и искусства «Золотая лира» /2013/, литературной премии имени М.М. Клайна за вклад в развитие южноуральской литературы для детей и юношества /2015/ и других. Автор книг стихотворений «Мужчина репродуктивного возраста» /2007/, «Стихи на вырост» /2011/, «Бумень. Кажницы. Номага» /2012/, «Стихи 2005-2014 годов» /2014/, «Конъюнктивит» /2015/. Руководил поэтической секцией литературного объединения ЧТЗ имени Михаила Львова /2010-2015/. Вплоть до закрытия эфира вёл авторскую рубрику «Молодые голоса» в телепрограмме «Новости культуры - Южный Урал». С 2002 года живет в Челябинске.

Дмитриев Сергей - родился в 1987 году в Каменске-Уральском. Окончил Каменск-Уральский педколледж, Щадринский пединститут. Работал в школах Каменска учителем. Стихи публиковались в журнале «Урал», в сборнике «Дюжина» Рождественского конкурса в Каменске, а также в других коллективных сборниках и газетах. С осени 2016 года живёт в Кыштыме.

Ерёменко Маргарита - Родилась в 1982 г. в городе Минусинске Красноярского края. Окончила факультет журналистики и аспирантуру Уральского государственного университета, кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «День и Ночь», «Уральский следопыт», «БерегА», «Новый ковчег», «Новый век», и др.. Автор книг стихов «Ри-» (2005), «Дуэт и соло» (2006), «Господу и детям» (2012), «Всё осталось здесь» (2016). Лауреат Всероссийской литературной премии имени К. Нефедьева (2003), премий областных и региональных фестивалей «Уральская лира» (2004), «Свезар» (2004), региональных Каслинских поэтических чтений (2009). Организатор ежегодных Каслинских поэтических чтений, руководитель Литературного объединения г. Касли.

Ерошкина Лариса - родилась в 1945 году в Горьковской области. Окончила Кыштымский радиомеханический техникум. Технолог. Работала на Кыштымском радиозаводе, а затем на предприятиях Оренбуржья. Стихи печатались в альманахе «Графоман». С 2000 года живёт в Кыштыме.

Ивкин Сергей - родился в 1979 г. в Екатеринбурге. Публиковался в журналах «Урал», «Знамя», «Дети Ра», «Крещатик», «Волга», «Зинзивер», «Воздух», «Волга -21 век». Автор поэтических книг и сборников «Пересечение собачьего парка» (Н.Тагил, 2007), «Конец оценок» (Екатеринбург, 2008), «Воробьиные боги» (Челябинск, 2009), «Йод» (Нью-Йорк, 2013). «Голая книга» (2016), «Грунт» (2016). Редактор отдела поэзии журнала «Плавучий мост» (Германия). Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Климентьева Инна - родилась в 1932 в Харькове. Окончила Киевское училище прикладных искусств, с 1963 г. работала архитектором района, а с 1978 г – главный архитектор читинского участка БАМа. Последние годы жизни жила в Кыштыме. Вдова поэта Владимира Чиликина. Автор сборников стихотворений «Свеча в ладонях» и «Повечерье», участник конкурсов, сборников. Умерла в 2012 году в Озёрске Челябинской области.

Клепалов Александр - родился в 1950 году в с. Ново-Бурино Челябинской области, окончил ГПТУ-44 (Озёрск) и истфак Уральского гос. университета. Работал аппаратчиком, тестоводом, учителем, инспектором статистики, директором музея, экскурсоводом. Очерки, заметки, статьи публиковались в «Исторической азбуке Кыштыма» и сборнике «Язык Войны» (Челябинск, 2015)

Клепалова Анна - родилась в 1985 году в Нижнем Тагиле, окончила Уральское училище прикладного искусства, Высшую школу народных искусств (Санкт-Петербург). Жила в Кыштыме, Санкт-Петербурге. В настоящее время живет в п. Тазовский (Ямал).

Косолапова Наталья - родилась в 1978 году в Кыштыме. Публиковалась в журналах «Транзит-Урал», «Урал», «День и ночь», «Волга-21 век». Автор сборника стихотворений «Узелки неслучайных совпадений» (2007), Автор проекта «Видеоархив “Фигуры речи”» (2006-2007). Лауреат второй степени 2-го фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова (2006). Участница фестивалей «Новый Транзит», «Глубина». Живёт в Кыштыме.

Машарыгин Дмитрий - родился в 1986 году в городе Озёрске. Публиковался в журналах: «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Новая Юность», «Знамя», «Волга-21 век», «Воздух», на сайте христианской поэзии «На середине мира», «Новые облака»; электронных журналах: «Новая реальность», «Полутона» («Звательный Падеж»), «Альтер-Нация». Автор книг стихотворений «Неотправленные письма Гоголя» /2007, «Всё проще» /2016/. Лауреат 1-го фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова /2006/. Лонг-листер литературной премии «ЛитератураРентген». Шорт-лист литературной премии «Дебют» 2009. Обладатель Малой Премии «П» (2009). В 2008 году вошел в лонг-лист, а в 2009 году — в шорт-лист премии «Дебют». Живёт в Челябинске.

Лысанова Надежда - родилась в 1958 году. Переехала из г. Верхняя Салда Свердловской области в Челябинск. Автор книг «Провинциальное лето» /2006/, «На палитре осени» /2007 год/, «Детство в Верхотурье» /2007 год/, «Перекрестки удивительных судеб» /2010, 2011) и др. Член Союза писателей России.

Невзоров Юрий - родился в Кыштыме в 1973 году. Окончил Кыштымский радиомеханический техникум. Работал на Кыштымском огнеупорном заводе, в Кыштымской телерадиокомпании. С 2008 по 2010 год руководил ЛИТО «Грани». Публиковался в городских газетах, в журналах «Уральская новь», «Единая семья». Автор сборника рассказов «Девятый звонок», сборников стихотворений «Дочь охотника», «Сын человеческий», в альманахе «Южный Урал». Участник и лауреат литературных конкурсов. Умер в декабре 2010 года в Кыштыме.

Одиноких Дмитрий - родился в Кыштыме в 1967 году. Работал пекарем, автослесарем, маляром, долгое время – сапожником, столяром. Автор книжек стихов «Свирель акаций» (1999г.), «Калины росы», «Родниковый узел», «Золотая рубаха заката», есть публикация в журнале «Наш современник». С 1999 по 2002 год руководил ЛИТО «Грани» Бард, автор песен, участник песенных фестивалей.

Петрушкин Александр - родился в 1972 году в городе Озёрск. Издатель, поэт, организатор литературного процесса. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Зинзивер», «Футурум-Арт», «Волга-21 век», «Волга», «Трамвай», «Альтернатива», «Знаки», «Белый ворон», «Журнал Поэтов», «Дон», «Гвидеон», «Балтика», «Кольцо А», «Василиск», «Зарубежные записки» (Германия), «Европейская словесность» (Германия), «Слово/Word» (США), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Южное сияние» (Украина), в «Антологиях современной уральской поэзии» (том 2 и 3). Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат литературной премии «ЛитературРентген» за 2007 год в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии). Лауреат премий журналов «Дети Ра» /2008, 2015/, «Зинзивер» /2010, 2015/. Лауреат специальной премии «Русский Гулливер» /Москва, 2014/. Куратор поэтических фестивалей «Новый транзит» /2003- 2014/, им. Виктора Толокнова / 2006-2008/, «Тыдымские чтения» /2007-2016/. Куратор независимой поэтической премии «П». Куратор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». С 2000 издал более 80 сборников авторов русскоязычного литературного пространства. Главный редактор литературных журналов «Новая реальность» /2009-2016/ и «Вещество» /с 2016 года/. Член редакционных советов литературных журналов «День и ночь» /расноярск/, «Южное сияние» /Одесса/, «Василиск» /Самара/. Член «Союза писателей XXI века» с 2011 года. Член Южнорусского Союза писателей. Руководитель ЛИТО «Грани» /2005-2007/. Жил в Челябинске, Екатеринбурге, Нижней Туре, Лесном. С 2005 года живет в Кыштыме.

Руденко Татьяна - родилась в 1963 году в Курганской области. В 1982 окончила Кыштымское медицинское училище. До 1999 года работала в амбулатории станции Кыштым, после – в строительных организациях Озёрска Челябинской области. Стихи публиковались в городской и областных газетах, коллективных сборниках. Автор книги стихотворений «Бессоница». Участник поэтических конкурсов. Умерла в 2014 году в Кыштыме.

Сырейщиков Рудольф - родился в 1941 году в Кыштыме, учился в Копейском горном техникуме, Одесском институте народного хозяйства. Работал на предприятиях Кыштыма. Автор четырех книг. Участник и дипломант литературных конкурсов.

Торопов Андрей - родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Работает главным специалистом в Управлении архивами Свердловской области. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», в «Литературной газете», газете «Поэтоград» и др. Неоднократный участник поэтических фестивалей в Кыштыме. Автор трех поэтических книг. Живет в Екатеринбурге.

Халдин Юрий - родился в Кыштыме в 1969 году. Окончил Кыштымское СПТУ-103. Трудился на Кыштымском радиозаводе и других предприятиях. В настоящее время – работник почты. Публиковался в журнале «Евангелие за колючей проволокой», в альманахе «Графоман».

Шалыгина Марина – родилась в 1952 году в Нижнем Тагиле. По образованию – архивист. Была сотрудником Куйбышевского облархива, работала электрослесарем, уборщицей, дворником, обувщиком. Публиковалась в газетах Самары, Нижнего Тагила, Кыштыма, в альманахе «Графоман». Руководитель ЛИТО «Грани» с 2016 года. Живёт в Кыштыме с 1985 года.

Щелконогова Людмила - родилась в 1945 году в Кыштыме. Работала на Кыштымском радиозаводе. Пишет стихи и сказки для детей, которые публиковались в заводской и городской газетах, «Челябинском рабочем», в альманахе «Графоман», ред. Година Н.И. Автор книги стихотворений для детей «Чудесный цветок».

Яковлев Владимир - родился в 1985 году. Работал актёром, администратором, дворником, монтировщиком. Участник международного форума молодых писателей /Липки, 2014 г.). Автор сборника стихотворений «Барабан» /2016/. Участник ЛИТО «Грани». Живёт в Озёрске.